

764
198

ДЛЯ НАРОДА, ШКОЛЪ И ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

Вас. Ив. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

ЛОПЬ БЪЛОГЛАЗАЯ.

(ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ ПОЛЯРНЫЙ КРАЙ).

Издание 2-ое.

Цѣна 50 к., въ папкѣ 65 к.

Стъ 7-ю рис. П. Е. Липшиченко.

МОСКВА.

Издание книжнаго склада Д. П. ЕФИМОВА.

Москва, Б. Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.

1902.

У 64
1938

ДЛЯ НАРОДА, ШКОЛЬ И ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

Вас. Немировичъ-Данченко.

ЛОПЬ БѢЛОГЛАЗАЯ.

(Изъ поѣздки въ полярный край).

съ рис. П. Е. Литвиненко.

ИЗДАНИЕ 2-ое.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО СКЛАДА
Д. П. ЕФИМОВА.

Москва, Большая Дмитровка, домъ Бахрушиныхъ.

Дозволено цензурою. Москва, 23 октября 1902 года.

Типографія **М. Борисенко**, Б. Дмитровка, д. Дворянскаго Собранія.

I.

К О Л А.

Горная, лѣсная и приозерная глушь Лапландіи давно манила меня въ свои невѣдомыя пустыни. Суровые и смѣлые промышленники Сѣвера рассказывали мнѣ о вѣчныхъ льдахъ на вершинахъ горъ этого края, о гранитныхъ утесахъ, утопающихъ въ небѣ, о величавыхъ водопадахъ и гремячихъ порогахъ лапландскихъ рѣкъ, и все это только пуще дразнило воображеніе. Что русскіе лопари не поютъ пѣсенъ, не рассказываютъ сказокъ. И я не вѣрилъ этому. Народъ, родственнѣйшій поэтическимъ финнамъ, живущій среди озеръ и вершинъ, мягкими очертаніями рисующихся на ясномъ фонѣ сѣвернаго неба, не можетъ не пѣть. Чуткій къ прошлому лопарь не долженъ былъ забыть его.

Въ Кольскую губу я попалъ, выдержавъ бурю въ Ледовитомъ океанѣ. Жалкій лопарскій тройникъ чуть не размозжило непогодю. Его уже захлестывали громадныя волны, шкваль оторвалъ верхнюю обшивку. Гребцы растерялись и бросили весла, унесенныя тотчасъ же водою. Я сѣлъ къ рулю, смѣлый поморъ Романовъ, долго не думая, поставилъ парусъ. Быстрѣе птицы лодка то взвивалась на мощные валы, то обрушивалась въ бездны, на днѣ которыхъ клочкотала пѣна. Романовъ опытною рукою направлялъ шкотъ. Раза два мы черпнули воды. Къ счастью, спустя немного тройникъ швырнуло съ налета въ пологій береговой мысъ. Оглушенные трескомъ разсыпавшейся лодки, придавленные парусомъ, мы остались на голомъ выступѣ гранитной, исполосованной трещинами, скалы, безъ лодки, вымокшіе насквозь, среди полнѣйшаго безлюдья. Непривѣтливо встрѣтила меня Лапландія. Голодные, измученные, мы побрели впередъ, огибая бухты Кольскаго залива, и только подъ утро издали слышалась звонкая пѣсня, прерываемая хрипыми голосами. Въ ближайшей губѣ оказалась лодка изъ Колы, плывшая на промыселъ. Рыболовы обсушили, накормили насъ, съ нами вернулись въ Колу на веслахъ, оставивъ промыселъ и рискуя потерять попутный вѣтеръ.

Кола на непривычнаго производитъ сильное впечатлѣніе. Губа расширяется. Вода покойно отражаетъ высокія горы, со всѣхъ сторонъ стѣснившія полярный городокъ. Сначала его и не замѣчаешь. Глазъ видитъ только красивыя вершины да голубое море. Потомъ уже выступаютъ небольшой островокъ съ церковкой и подножіе горы Соловараки. Оно образуется порожистой рѣкою Колой, гремуче привѣтствующей васъ изъ своего далека, и Туломскимъ рукавомъ губы, широко синѣющимъ въ зеленыхъ рамкахъ пирамидальныхъ горъ. Въ этомъ небольшомъ пространствѣ разсыпаны по берегу гнилые рыбные сараи, скудныя избы и среди пустошей убогія хижины, ютящіяся гдѣ-то далеко, сливаясь съ сумерками мглистаго вечера. На берегу килемъ вверхъ чернѣетъ множество карбасовъ, нѣсколько еще недостроенныхъ шнякъ тутъ же поднимаютъ свои бѣлыя ребра. Крутая масса Соловараки, которою коляне хвастаются, какъ неаполитанцы своимъ Везувіемъ, грузно виситъ надъ городомъ; съ ея вершины подъ вами весь Кольскій заливъ, словно серебряная] щель, соединяется съ безграничнымъ просторомъ океана. Позади горы за горами да свѣтлыя черточки запропавшихъ на горизонтѣ озеръ. Рѣка Кола извивается отсюда едва выступающей нитью... Но что

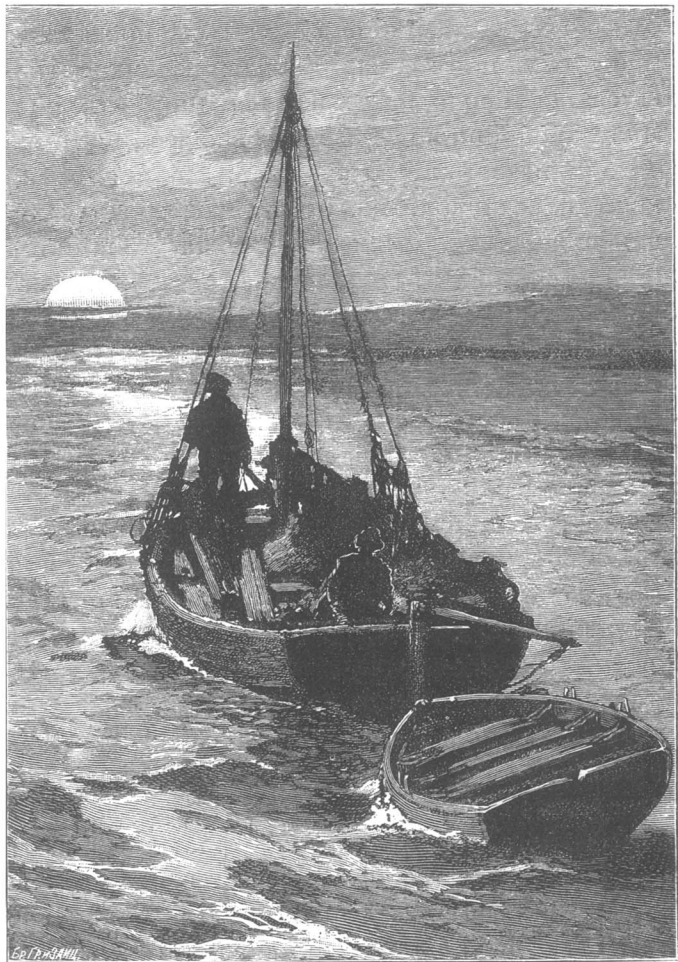
лучше этого морского воздуха, который отовсюду вѣетъ на васъ, пропитанный запахомъ водорослей, живительный и всеисцѣляющій! Климатъ Колы переменчивъ. Въ тихую лѣтнюю погоду термометръ показываетъ до 20° тепла, при сѣверномъ и сѣверо-восточномъ вѣтрѣ падаетъ до 5°. Зимой морозы рѣдко выше 30°. Съ горъ въ это время поднимаются сильныя вьюги, Колу заноситъ снѣгами, такъ что изъ-подъ нихъ не видать и кровель. Начиная съ половины октября, зима продолжается до мая, когда вскрываются рѣки. Съ половины іюня по сентябрь — лѣто. Весною и осенью Кола отрѣзана отъ всего живого. Море недоступно; бури дѣлаютъ невозможнымъ передвиженія по пустырямъ Лапландіи. Мѣсяца по три сидятъ горожане, отводя свою скуку смертную на незатѣйливыхъ посидѣлкахъ. Бываютъ даже балы съ гармоніей вмѣсто оркестра. Часто выходятъ припасы въ лавкахъ и коляне питаются только рыбою и хлѣбомъ. Въ мой пріѣздъ я не могъ здѣсь найти ни мяса, ни чаю, ни сахару. Зимой еще лопари привозятъ сюда оленину. Доктора не было, школа помещалась въ полуразрушенной избѣ. Въ городѣ не было ни одного портного и сапожника. Все заказывалось въ цвѣтушихъ городахъ Норвегіи — Вардо и Вадсе. Иногда случалось —

выйдутъ чернила и нельзя написать ни одной строки. Книги всё наперечеть и зачитаны до лохмотьевъ... Особенность Колы, дѣйствительно бьющая въ глаза, — это ея женщины. Рослыя, сильныя, красивыя, онѣ по образу жизни, привычкамъ и дѣятельности не отличаются отъ мужчинъ. Колянка не только бьетъ акулъ, она правитъ кораблемъ не хуже помора, ходитъ на шкунахъ и въ Норвегію, и въ Архангельскъ... Нужно видѣть ее во время шторма, безтрепетно командующею своимъ растерявшимся экипажемъ, на ловецкомъ карбасѣ въ бурю, управляющею рулемъ смѣлою и вѣрною рукой, чтобы понять, какая высокая нравственная сила создаетъ эту поразительную энергию, стойкость въ борьбѣ съ полярною природою. Въ поѣздку мою океаномъ изъ Войдо-Губы въ Вардо-Хузъ поднялась непогода. Нѣсколько встрѣченныхъ шкунъ, какъ тараканы, заползали въ береговыя щели отстаиваться отъ бури. Одно только судно дерзко рѣзало расходящіяся волны океана и плыло впередъ, управляемое колянкой, женою колониста Ф... И сама она стояла у мачты, словно каменная, только громче бури звучала кругомъ ея команда да концы платка, повязывавшаго ея голову, раскидывались по вѣтру во все стороны. Не такъ сдѣлалъ что-то матросъ — колянка подош-

ла, поправила; кормщикъ потерялся—и его смѣнила. Даже пассажирка-колянка не уйдетъ въ каюту во время непогоды. Она тутъ же съ матросами дѣлаетъ одно дѣло. Есть колянки, превосходно знающія морское дѣло. Преданія рассказываютъ о такихъ женщинахъ изъ этой среды, которыя во время оно хаживали и на Грумантъ, т. е. Шпицбергенъ, и не на парходахъ или хорошихъ шкунахъ, а просто на ладьяхъ. И такихъ въ Колѣ не мало. Ни въ чемъ колянка не отстаеетъ отъ мужа или брата. Зимой она также ходитъ на своеобразную охоту. Выкопавъ яму, она строитъ надъ нею шалашъ, засыпаетъ снѣгомъ его, оставляя небольшое отверстіе для ружейнаго дула. На всю ночь она садится сюда и ждетъ звѣря на приманку, которою служитъ какая-нибудь падаля. Сюда слетаются вороны, за ними крадутся лисицы. Одна колянка успѣла отъ трехъ волковъ отстояться, другая убила медвѣдя въ окрестныхъ горахъ, да и притащила шкуру его въ городъ. Рассказываютъ, что еще двадцать лѣтъ тому назадъ въ Колѣ жила красивая молодка, удерживавшая лодку съ берега въ то время, какъ два сильныхъ гребца силились выгresti ее подальше. Во время весенняго промысла, когда по океану еще ходятъ льды, когда стужа пронимаетъ до костей, когда руки, лица рыболововъ

покрываются льдомъ, а платье коробится отъ холоду, — колянка лучше мужчинъ выносить это и пѣсни ихъ въ тяжелое время мурманской страды такъ же задорны и веселы, какъ и въ обычную пору промысловаго приволья. Женщины здѣсь вѣрны старому новгородскому костюму, сдѣлана была когда-то только одна уступка духу времени, и то ради кринолиновъ. Но такъ какъ этого аксессуара женскаго костюма здѣсь нѣтъ, то изобрѣтательныя полярныя модницы просто надѣвали подъ платье пропасть оленьихъ шкуръ. Поэтому въ праздничные дни онѣ были похожи издали на движущіяся вавилонскія башни. Есть въ Колѣ нѣсколько пожилыхъ женщинъ, до того усвоившихъ себѣ мужскія привычки, что на работу онѣ одѣваютъ даже мужское платье. Этихъ амазонокъ мѣстные остряки называютъ «размужичьемъ». Подъ старость колянки необычайно жирѣютъ. Въ эту пору своими размѣрами онѣ могутъ привести васъ въ крайнее изумленіе. Жена одного богача кольскаго можетъ только приподняться съ мѣста и сдѣлать два-три шага, не больше...

Кола живетъ удачными промыслами и торговлею съ Лапландіею, Норвегіею и Архангельскомъ. Коляне сумѣли сдѣлать лопарей батраками и захватили наилучшія промысловыя

угодья. Въ становищахъ Мурманна коляне проводятъ все лѣто. Губы и бухты, гдѣ они ловятъ рыбу, отличаются замѣчательною дикостью и красотою. Грузныя и тяжелыя массы гранита отвѣсно обрушиваются въ гнѣвно ревущее море. Издали незамѣтны узкія щели во внутренніе заливы, куда волненіе океана доходитъ только мелкою зыбью. На берегу жалкія избушки и амбары. Часто нѣтъ и тѣхъ, стоятъ лишь печи и кольскія артели все лѣто проводятъ подъ открытымъ небомъ, равнодушно встрѣчая и ведро и ненастье. Сотни судовъ бороздятъ воды, звонкія пѣсни стоятъ надъ ними, и на всю эту кипучую промысловую жизнь молчаливо смотрятъ каменные великаны, ставшіе на стражѣ лопской земли противу вьюгъ и морозовъ дальняго полюса; группы крестовъ на скалахъ отмѣчаютъ могилы погибшихъ промышленниковъ; по многочисленности ихъ можно судить о суровости промысла. Правительство командируетъ туда врачей на лѣто. Они хорошо изучили Мурманъ; изъ ихъ наблюденій видно, что тифъ и цынга губятъ рыболововъ десятками, иногда и сотнями. Тогда среди величаваго полярнаго пейзажа разыгрываются неизбѣжныя мрачныя сцены. Вотъ, на примѣръ, картина тифа: въ становищѣ уже появились больные. Если-бы народъ не уставалъ такъ

паника была бы общая. Кто еще можетъ— перемогається, ходитъ по жилью, лѣпится по скаламъ, плаваєтъ на промыселъ, да только черезъ силу. Позеленѣвшія лица съ черными подтеками, воспаленно-сверкающіе глаза несчастныхъ выдають ихъ внутреннее состояніе. Лесы и уды падаютъ изъ рукъ и въ изнеможеніи, наконецъ, опускаются больные на кучи лохмотьевъ, теряя память и напрасно призывая въ глуши мурманскаго захоlustья дорогихъ и милыхъ людей... Напрасно! Придетъ смерть, и только она одна заглянетъ къ нимъ въ очи. Придетъ смерть, и только одна она станетъ у ихъ изголовья. Ничей ласкающій голосъ не прозвучитъ надъ этимъ зараженнымъ ложемъ, родимая рука не прильнетъ къ пылающему лбу страдальца... И счастливъ онъ, если въ забытїи видитъ кругомъ не эти суровыя, на работѣ окостенѣвшія лица, не эти черныя стѣны убогой избы, а родное поле, пестрѣющее цвѣтами скудной полярной флоры; если вмѣсто безшабашной пѣсни ему слышатся въ бреду знакомые ласковые голоса, веселые крики дѣтей, ихъ робкій хохотъ. И кажется ему, что въ эти минуты прижимаетъ онъ бѣлесоватую головенку съ веселыми глазками, что рука его мягко и ласково гладитъ баловника-сынишку. Другое дѣло цынга. Умиращему ея нѣтъ за-

бытья; онъ живой трупъ между людьми; онъ знаетъ, что ему нѣтъ спасенія, нѣтъ пощады. Его сторонятся, его обходятъ. Онъ опасенъ— въ немъ зараза. На его нару никто не придетъ. Будь мѣсто, всѣ бы ушли отъ него, какъ отъ чумного. Его смерть безъ грезъ. Въ тифѣ воспоминанія становятся дѣйствительностію, умирающей въ галлюцинаціяхъ окружень любимую семью. Здѣсь воспоминанія дѣлаются ужасомъ, мукою. На кого онъ оставляетъ семью, ничего не вѣдающую въ своемъ далекомъ захолустьи? Холодомъ обдаетъ его. Отъ тоски не хватаетъ воздуха для груди; какъ помѣшанный, онъ выбѣгаетъ вонъ, да развѣ и тамъ спасеніе?.. Вотъ толпа. Только-что слышались въ ней смѣхъ и шутки; теперь она, онѣмѣвъ, шарахнулась отъ него въ сторону. Люди рассыпались по избамъ, и онъ знаетъ, что они ушли отъ него. Куда же уйти и ему,—уйти отъ себя? Бѣжитъ онъ въ снѣга и скалы, уходитъ въ каменные щели и, лежа на холодномъ гранитѣ, опять-таки слышитъ, самъ слышитъ, какъ все у него внутри разлагается, какъ смерть медленно, но вѣрно наноситъ ему ударъ за ударомъ. Является ломота въ костяхъ, развивается чувство необычайной слабости, колѣни гнутся, больной едва дышитъ, голова не работаетъ, руки висятъ, какъ плети, хочется спать, а сонъ не приходитъ, и.

это бодрствованіе еще усиливаетъ ужасъ положенія; наконецъ, лицо покрывается синевою, десны пухнутъ и становятся губчатыми, скоро опухаютъ ноги, въ сочлененіяхъ и вдоль спины чувствуется острая боль, конечности корчатся. Кровь часто идетъ изъ горла. Смерть уже видна, но, безпощадная, она ждетъ, словно палачъ, дошедшій до сладострастія въ убійствѣ. Мурмань, Новая земля, Мезенское поморье, Шпицбергенъ, Гренландія, Лабрадоръ усыяны могилами умершихъ такой страдальческою смертію... Подъ конецъ больной остается одинъ. Днемъ въ окно ему скупю свѣтитъ солнце; кто-нибудь ночью изъ состраданія зажжетъ ему фитиль съ ворванью. Только за дверями говоръ и смѣхъ, плескъ моря въ скалахъ, свистъ вѣтра, врывающагося въ ущелье; оттуда доносится къ нему пѣсня, и какъ онъ долженъ слушать ее! Такъ заживо схороненный внимаетъ, какъ надъ его могилой ходятъ и говорятъ люди, какъ поетъ мимоидущая дѣвушка, какъ плачутъ его жена и дѣти. Онъ радъ бы крикнуть имъ, онъ дѣлаетъ послѣднія усилія, но могила крѣпко держитъ его въ своихъ оковахъ...

II.

Зима и весна въ Лапландіи.

Кола была мнѣ только станціей для поѣздокъ по Лапландіи. Отсюда я посѣщаль сонгельскихъ лопарей по Туломскому рукаву Кольской губы, рѣкѣ Туломѣ, озеру Нуоть и рѣкѣ Ното, плавалъ и ходилъ къ кильдинскимъ лопарямъ черезъ дебри и горы сѣвернаго побережья, къ массельскимъ лопарямъ рѣкою Колой и озеромъ Мурдь-Ярви; изъ Массельги я отправился въ Лавозеро лѣсами и пустынями средней Лапландіи. Вернувшись, я дошелъ до озера Имандра, отсюда предпринималъ экскурсію на Хибинскія горы, на Мончъ-Тундру, на рѣку Чу-ну-Тундуру. Потомъ рѣкою Нивой я дошелъ до противоположной Колѣ окраины страны, до русскаго села Кандалакши. Большую часть пути приходилось дѣлать пѣшкомъ, по горамъ и чернолѣсьямъ, остальную на лодкахъ по рѣкамъ и озерамъ. Сверхъ того, на каждахъ десяти-пятнадцати верстахъ рѣчного плаванія необходимо выходить изъ челноковъ и перетаскивать

ихъ на рукахъ, огибая пороги и частые водопады. Во время пѣшеходнаго странствія, часто только съ топоромъ въ рукахъ возможно врубаться въ густую чащу еловыхъ порослей. По прямому направленію отъ Колы до Кандалашки во время оно пролегала хорошая дорога, устланная бревнами. Теперь ея остатки еще существуютъ. Это родъ клавишей. На каждомъ шагу вы проваливаетесь, нога уходитъ въ сгнившее дерево, какъ въ рыхлый комъ земли; часто надъ глубокими омутами осталось одно бревно и вы должны или ловко балансировать по немъ, или добровольно выкупаться въ грязной трясинѣ. Ступаешь на одинъ конецъ бревна—другой летитъ въ лобъ. Я гораздо лучше чувствовалъ себя, когда шель цѣлиною, карабкаясь по горамъ. Таковы здѣсь пути сообщенія лѣтомъ. Зимой удобнѣе. Тогда по всей Лапландіи носятя поѣзды лопарей—райды. Въ небольшія санки, «жережки», запряжены олени, не разбирающіе дороги... Только бы обогнуть незамерзающей и въ самые жестокіе морозы водопадъ, а по всему остальному снѣгами засыпанному простору мчись цѣлиною до ближайшаго лопарскаго поселка, гдѣ путника примутъ, какъ дорогого гостя.

Зима царитъ здѣсь съ половины октября до мая; въ декабрѣ и январѣ солнца не видно вовсе.

День начи-
нается сла-
бымъ суме-
речнымъ
разсвѣ-
томъ. На
часъ илина
два тускло
выдѣляют-
ся изъ мра-
ка верши-
ны горъ, а
немного
спустя онѣ
уже мерк-
нутъ; пу-
стыня слов-
но уходитъ
изъ глазъ
и безпре-
дѣльное
царство
полярной
ночи оза-
ряется
только яр-
кимъ бле-
скомъ по-
лярнаго
сіянія. На

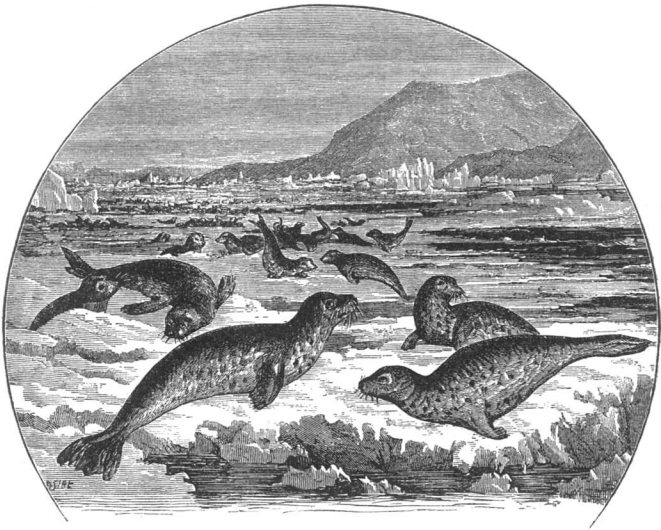
совершенно чистомъ зимнемъ небѣ,

какъ и на Новой Землѣ, прорѣзывается изъ мрака блѣдный полукругъ... На дугѣ его вспыхиваютъ, колышутся и вновь тускло свѣтятся языки неровнаго пламени, которое чѣмъ далѣе, тѣмъ становится все ярче и ярче. Скоро вся сѣверная сторона неба охвачена этимъ, точно вздрагивающимъ, пламенемъ, правильная арка котораго рѣзко вырисовывается на черныхъ зубчатыхъ очертаніяхъ береговыхъ шпигельовъ. Наконецъ, выбрасываются цѣлые снопы электрическаго блеска, ослѣпляющаго глаза наблюдателя. Снопы эти поднимаются выше и выше, сталкиваются и взаимно отталкиваются другъ друга... И вдругъ вся великолѣпная дуга сполоха разомъ разрывается на двѣ части. Въ каждой образуется мгновенно еще болѣе ослѣпительный центръ, и скоро два громадныя, все удлиняющіеся столба, какъ двѣ лапы какого-то стихійнаго чудовища, охватываютъ небо, порывисто приближаясь къ его зениту. Изъ свѣтло-голубого пламя ихъ становится желтоватымъ, алымъ и, наконецъ, переходитъ въ кровавый блескъ, такъ что и снѣга, и скалы Лапландіи кажутся багровыми подъ этимъ фантастическимъ освѣщеніемъ. На красномъ просторѣ рубиновымъ отсвѣтомъ сверкаютъ кой-гдѣ застывшія ледяныя глади озеръ да черными силуэтами выдѣляются ряды уте-

совъ, обращенныхъ къ глазамъ наблюдателя неотражающею свѣтъ стороною... Сходящіяся къ скату полосы алаго свѣта встрѣчаются, взаимно отбрасываются и моментально гаснутъ, оставивъ почти все небо чернымъ... Только въ самомъ зенитѣ его таинственно мерцаетъ, словно вѣнчая эту мертвую глушь, внезапно вспыхнувшая корона изъ сноповъ голубого, почти звѣзднаго блеска... А тамъ погасла и она, и снова ходятъ по небу десятки, сотни громадныхъ столбовъ, точно крадущихся къ немногимъ, робко блестящимъ звѣздамъ. Вотъ они ниже, и ниже, вотъ они располагаются вѣнцомъ вокругъ темнаго уже сегмента, вотъ они становятся короче, а сегментъ освѣщается все ярче и ярче... Наконецъ, столбы гаснутъ и только первоначальная арка радужнаго свѣта ярко сіяетъ и вздрагиваетъ у полюса...

Но тридцати-градусные морозы спали; откуда-то повѣяло тепломъ. Снѣга на скатахъ горъ слегка подернулись синью... разъ уже прорѣзался на востокъ, словно остріе ножа, край долго отсутствовавшего солнца. Въ горахъ и долинахъ все оживилось; райды съ лопарями чаще носятся въ пустыняхъ. Дни становятся продолжительнѣе, водопады гремучѣе, на окраинахъ Лапландіи цѣлыя стада моржей и тюленей грузными массами чернѣютъ на льдахъ, дикіе

олени ясно выдѣляются на бѣломъ фонѣ горы... А снѣгъ все синѣе и синѣе, кое-гдѣ по откосамъ на солнцѣ обнажились гребни и острые выступы гранитныхъ скалъ. Первая чайка пронзительно застонала надъ пробуждающеюся полярною странюю... И скоро арктическая весна

вступаетъ въ свои права, знаменуя свое появленіе вьюгами и мятелями.

Спустя мѣсяць долины повсюду зазеленѣли, лѣса, сбросивъ бѣлый саванъ, въ волю дышать тепломъ и свѣтомъ, рѣки уносятъ и разбиваютъ въ порогахъ послѣднія льдины, но

озера стоятъ еще скованныя ими. Снѣга шапками лежатъ только на горныхъ вершинахъ да въ щеляхъ, гдѣ они остаются и лѣтомъ. Медвѣди, росомахи выходятъ изъ берлогъ, волки еще отчаяннѣе начинаютъ травлю дикихъ оленей. Въ небесахъ проносятся стаи гагаръ. Орлы-рыболовы, кречеты черными точками рѣютъ въ недосягаемыхъ высяхъ. Семга входитъ въ устья рѣкъ, а по всему необозримому простору океана сталкиваются и разбиваются ледяныя горы и острова, киты выбрасываютъ вверхъ свои фонтаны, сельдь массами направляется въ береговья бухты.

Еще недѣля—и вся Лапландія оглашается крикомъ гагаръ, порхалицъ и кривцовъ. Зелень выстилаетъ долины, озера сверкаютъ на солнцѣ своими покойными глазами. И лѣто жаркое и знойное уничтожаетъ послѣднее воспомина-
нiе о долгой арктической зимѣ.

III.

Озера, рѣки и водопады.

Очень ошибется тотъ, кто будетъ судить о Лапландіи по картамъ этой страны. На нихъ она является болотистою гладью, по которой прямыми линіями струятся покойныя рѣки. Въ дѣйствительности не то. Это страна озеръ, рѣкъ и горъ. Въ западной ея половинѣ, гдѣ былъ я, болотъ не встрѣчается вовсе.

Между громадными вершинами извиваются змѣистыя рѣки, въ котловинахъ сверкаютъ озера, словно серебряные щиты великановъ. Лапландскія рѣки—это сама красота. Онѣ сплошь перегорожены порогами, на каждой есть два или три водопада. Даже ничтожные ручьи, притоки, и тѣ образуютъ такъ называемые падуны *). На одной Туломѣ, наприм., пять пороговъ: Сухой, Кильбуха, Сосновецъ, Кривецъ и Юркинъ, не считая грандіознаго водопада. На рѣкѣ Колѣ двѣнадцать пороговъ,

*) Водопады и пороги.

на Вороньей семь, на Ернышнѣ одиннадцать. Теченіе этихъ рѣкъ на картахъ указано фантастически. Часто двѣ рѣки, одна впадающая въ океанъ, другая во внутреннее озеро, соединяются истоками и, такимъ образомъ, является одна большая, въ дѣйствительности несуществующая. Въмѣсто притоковъ я находилъ смежные горные кряжи, а тамъ, гдѣ по картамъ не оказывалось ничего, текутъ большія рѣки. Громадныя озера на повѣрку оказываются маленькими, маленькія—крупными. Оставляя собственные имена и точныя указанія моему спеціальному изслѣдованію, я позволю себѣ краткими чертами набросать картину лапландскаго пейзажа.

Съ вершины горы, внизу, подъ вами вся, озаренная яркимъ полуденнымъ солнцемъ, сверкаетъ приозерная глушь. Гранитные гребни и кряжи одѣты еловыми и березовыми лѣсами. Изумрудными извилистыми полосами ложатся луга между откосами, по дну ущелій бѣгутъ ручьи... Рѣка огибаетъ громадный выступъ сѣраго утеса, изъ черныхъ трещинъ котораго величаво тянутся вверхъ сосны. Дальше та же рѣка образуетъ плесы, и вамъ съ вышины видно, что на пространствѣ какихъ-нибудь десяти-двѣнадцати верствъ такихъ плесовъ до шести. Чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ и раститель-

ность больше измѣняется. Сначала по берегамъ зеленѣетъ только дикій лукъ, дальше воздухъ наполняетъ густой аромать душмянокъ, а тамъ еще дня два пути—и чаща дикаго шиповника льетъ по вѣтру свое тонкое благоуханіе. На самомъ горизонтѣ фіолетовыми очерками рисуются далекія горныя цѣпи. Въ плесахъ теченія почти незамѣтно. Тутъ развертывается жизнь, полная дикой прелести; вдоль береговъ стаями поднимаются травники, куропатки, кривцы и порхалицы. На зеркалѣ воды извилистыми линіями чернѣютъ молодые выводки съ старыми опытными гагарами впереди. Словно серебряныя искры, сверкаютъ на солнцѣ чайки, а въ высотѣ черными точками висятъ орлы-рыболовы, кречеты. Дичь непуганная. Гагары проплываютъ мимо самой лодки, не уклоняясь въ сторону. Звонъ ручьевъ и птичій гамъ всюду преслѣдуетъ васъ. Взалестки поминутно опускаются на воду, за ними выскакиваютъ кумжи, харіусы и щуки. Вода необыкновенно прозрачна. На большой глубинѣ можно отличить сига, словно повисшаго среди зеленоватаго простора, юркую щуку, гонящуюся за мелкой рыбой, и плоскую, лѣнливую камбалу. Водоросли выбрасываютъ вверхъ свои прелестныя цвѣты. А вдоль берега вамъ встрѣтится на вершинѣ скалы, на самомъ солнечномъ припекѣ,

вѣтвисторогій олень; на выступѣ камня надъ водою стоящій медвѣдь, который не удостоить васъ своимъ высокимъ вниманіемъ. Разъ за полверсты отъ меня этотъ властитель лапландскаго лѣснаго царства переплывалъ плесъ. Грузно двигалась впередъ въ серебристой влагѣ эта тяжелая масса. Выйдя на берегъ, онъ отряхнулся и выждалъ пока моя лодка не сравнялась съ нимъ, точно онъ хотѣлъ привѣтствовать меня на рубежѣ своего царства. Острова на плесахъ поражаютъ васъ своею идеальною красотою. Часто они заросли лѣсомъ, часто просто голыя скалы. Иногда утесъ, торчащій изъ воды, растрескался и расщелился. Изъ трещинъ вырываются вверхъ стройныя стрѣлки елей и вамъ кажется, что онѣ растутъ прямо на голомъ камнѣ. Иногда посерединѣ плеса зеленѣетъ одна березка. Клочокъ земли подъ нею такъ малъ, что его не видно. И всюду безлюдье! Но еще красивѣе мѣста рѣки, перегороженныя порогами. Вотъ, на примѣръ, на выдержку описаніе двухъ изъ нихъ. Была ночь; мы подплывали къ порогу «Сухой» на Туломѣ. Синь лежала надъ нами. На водѣ клочками сѣрѣли полосы тумана. Вплывешь въ такой клочокъ— и весь измокнешь. Меня разбудилъ грохотъ порога. Съ неудержимымъ ревомъ Тулома стремится здѣсь между скалами, спиралью перего-

родившими рѣку. Съ берега я видѣлъ, какъ одно бревно, прежде чѣмъ обойти порогъ, сдѣлало до тридцати восьми оборотовъ. Массы бѣлой пѣны взмывають подножія этихъ утесовъ, вода между ними бѣжитъ грудью, «яро бѣжитъ», какъ говорятъ лопари. Кривецъ эффектный. Лодку здѣсь бросило о камень, какъ щепку. Отъ быстроты теченія кружило голову. Разъ челнокъ защемило между двумя камнями, и мы едва выбрались живыми; въ порогахъ видно, какъ массы семги проплывають вверхъ по рѣкѣ. Останавливаясь передъ черными каменьями, поросшими въ водѣ длинными моховыми нитями, или выходя на берегу у пороговъ, мы всюду замѣчали медвѣжьи слѣды. Чтобы очертить лапландскіе водопады, приведу описаніе одного изъ нихъ, «Падуна», близъ Ното-озера, на Туломѣ. Шумъ его слышенъ былъ за девять верстъ. За пять—онъ оглушаетъ. Мы шли къ нему по горамъ, гдѣ насъ застала ночь. Я было вошелъ въ лопарскую вѣжу, оставленную хозяевами, но невыносимая духота выгнала меня вонъ. Съ этой ночи въ Лапландіи я спалъ на открытомъ воздухѣ, на берегу или въ луговинѣ. За ночь подо мной иногда опускалась почва. Утромъ проснешься въ лужѣ—и ничего. Зато первую ночь мнѣ досталось порядкомъ. Совершенно неожиданно меня разбудилъ вой волковъ.

Шестеро или семеро хищниковъ любовались моею особою изъ-за деревьевъ. Я видѣлъ блескъ ихъ глазъ, ихъ темные силуэты, едва намѣченные во мракѣ ночи. Я слышалъ щелканіе ихъ челюстей, ихъ голоса раздражали нервы. Дѣваться некуда, оружія никакого. Если бы волки напали на меня, я былъ бы имъ легкою добычею. До разсвѣта я просидѣлъ у воды, лицомъ къ лицу съ ними. Но съ зарею вдали мелькнулъ олень и волки кинулись за нимъ, оставивъ меня въ покоѣ. Другой разъ ночью я упалъ съ берега въ озеро вмѣстѣ съ оборвавшимся песчанымъ выступомъ. Случалось, всю ночь идетъ дождь, но за день такъ устанешь, что только крѣпче завернешься и спишь. Разъ лисица, судя по слѣдамъ, унесла у меня мѣшокъ съ провизіею; я остался безъ соли и безъ хлѣба, на одной рыбѣ. У лопарей тоже не было соли и хлѣба. Двѣ недѣли пришлось питаться полусырой кумжей и сигаами, возбуждавшими во мнѣ, наконецъ, едва преодолимое отвращеніе. Такимъ образомъ, неся багажъ свой на плечахъ, мы шли къ водопаду по крутымъ, почти отвѣснымъ варакамъ, обрываясь внизъ, попадая въ черную чащу, едва ступая по прибрежному песку, смѣшанному съ иломъ, въ который ноги уходили до половины. Наконецъ, на высокомъ выступѣ горы мы остановились

пораженные, изумленные... Тулома, перегороженная порогами, дѣлала крутой изгибъ. Вся она была покрыта пѣной. Разбиваясь на множество теченій, рѣка гремѣла въ безпорядочно навороченныхъ скалахъ. На гребняхъ утесистаго берега чернѣли лѣса за лѣсами. Позади, составляя главное пятно этой картины, неистово ревѣлъ громадный водопадъ, пугая душу своею стихійною мощью. Тулома падаетъ здѣсь съ отвѣсной высоты шести сажень. Вода низвергается одною массою съ грохотомъ, вращаясь вокругъ гигантскихъ скалъ, прорѣзающихъ ея бѣлую пѣну. Точно живое чудовище бьется и реветъ въ этой стремнинѣ. Иматра, Кивачъ жалки въ сравненіи съ этимъ полярнымъ великаномъ.

Въ самомъ водопадѣ пѣна идетъ не сплошною массою, а катится, или, лучше, клубится волнами. Скалы словно вздрагиваютъ подъ вами. Я замѣтилъ, что обрывъ скалистаго берега надъ самымъ угломъ паденія воды довольно пологъ; казалось возможнымъ спуститься. Я сталъ сползать внизъ и уже на половинѣ дороги понялъ всю рискованность задуманнаго предпріятія. Но сверху смотрѣли лопари. Съ ними мнѣ приходилось идти на Ното-озеро, на Кодовскія горы. Обнаружить малодушіе—значило потерять ихъ уваженіе. То вися на рукахъ надъ ревящею

внизу бездной, то скользя по мокрымъ карнизамъ и поминутно рискуя оборваться, то оставиваясь въ недоумѣнїи надъ отвѣсными скастами безъ малѣйшихъ трещинъ, я тѣмъ не менѣе спускался все ниже и ниже. Разбуженные мною чайки хлестали мнѣ въ лицо своими крыльями, мокрые лишай на скалахъ заставляли меня чуть не падать. Снизу оглушаль водопадъ. Шапку куда-то сорвало. Нога какъ-то неловко ступила на камень мокрый и скользкій. Моментально я ринулся внизъ. Не могу дать себѣ отчета, какъ мнѣ удалось попасть рукою въ щель скалы. Я не могъ перевести духъ, что-то сжимало горло. Руки коченѣли и затекали... Сколько времени это продолжалось— не знаю, можетъ быть, нѣсколько минутъ, можетъ быть нѣсколько мгновеній. Я очнулся, когда что-то хлестнуло меня по головѣ. Смотрю— веревка; спустя минуту меня вытащили вверхъ. «Счастливъ ты,—говорили мнѣ лопари:—бревно еловое, если сверху сбросить, на берегъ только щепки выкинетъ!..»

Озера Лапландїи—особенно большія, каковы Нуоть, Имандра, Мурдъ, Ковдо и др.—богаты рыбой и необычайно прозрачны. Бродя по берегамъ, то спугиваешь массы рябчиковъ, то встрѣчаешься съ медвѣдями. Моему проводнику-лопарю только раза два пришлось стрѣлять

въ нихъ. Въ остальныхъ случаяхъ эти косматые хозяева лапландскаго чернолѣсья почтительно уступали намъ дорогу и только издали неуклюже покачивали головами, словно выражая намъ свое неодобреніе. Всѣ озера вообще чрезвычайно бурны; на Нуотъ-озерѣ мы выдержали, на примѣръ, двѣ бури, опасныя потому, что здѣсь нѣтъ правильнаго волненія. Вода точно кипитится въ котлѣ, и какъ ни работай веслами, лодка все на одномъ мѣстѣ. При этомъ челнокъ захлестываетъ отовсюду. Въ немъ, по обыкновенію, оказывается течь и въ одно время приходится бороться противъ бури и вычерпывать воду. Разъ нашу лодку разбило о скалы, хотя дѣло окончилось такъ же благополучно, какъ и въ Кольской губѣ. По берегамъ этихъ озеръ я всюду находилъ желѣзо, частію свинець и даже, впрочемъ не ручаюсь за вѣрное, мѣдь. Сверхъ того, мнѣ встрѣчались большія шиферныя горы и цѣлыя массы слюды, издалика сверкавшія на солнцѣ своими изломами... Въ рѣчонкахъ, впадающихъ въ озера, попадаются жемчужныя раковины, только самый жемчугъ въ нихъ синь и неправиленъ. Таковы, напр., Гремяха, Вѣнчина, Шолна и др. потоки. Поднявшись по одной такой рѣкѣ, я попалъ на замѣчательный феномень. Тутъ возвышались гранитныя скалы идеально правильной формы.

Точно онѣ были обтесаны какими-нибудь гигантами. Онѣ казались полированными пьедесталами для грандіозныхъ памятниковъ; даже росшія внизу были жалкими пигмеями сравнительно съ этими великанами. На лапландскихъ же озерахъ испытываешь, какъ вообще ошибочны наши свѣдѣнія объ этой странѣ. Мы слышали и читали о суровости ея климата даже и лѣтомъ. Проѣзжая по Имандрѣ отъ Іокъ острова къ Бабенгѣ въ среднихъ числахъ августа, я никуда не могъ укрыться отъ страшнаго ослабляющаго зноя. Мнѣ казалось, что мозгъ растапливается въ головѣ моей; я пробовалъ укрыться подъ мѣхомъ—еще хуже. Солнце буквально жгло. Я купался разъ по двадцати въ день и это нимало не помогало. Отъ такой высокой температуры являлось томительное состояніе духа, равнодушіе ко всему окружающему. Нельзя было даже заснуть. Въ разгоряченномъ мозгу рождались мучительныя галлюцинаціи. Положимъ, лѣто 1873 г. было исключительное. Откосы Хибинскихъ горъ, засыпанныя снѣгомъ, обнажились и только высочайшіе глетчеры сверкали на солнцѣ яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ. Тѣмъ не менѣе я имѣю теперь полное основаніе заявить, что климатъ Лапландіи безусловно лучше болѣе южныхъ мѣстностей Архангельской и Улеаборг.

ской губерній. Дѣло въ томъ, что громадныя горныя хребты заслоняютъ эту часть Кольскаго полуострова отъ сѣвернаго и сѣверо-восточнаго вѣтровъ. Сверхъ того, плавая по озерамъ и долинамъ, находишься въ фокусѣ, гдѣ сосредоточиваются солнечныя лучи, отраженные стѣнами горъ, окружающихъ эти пункты. Было еще одно мученіе на озеркахъ. Надъ водою иногда стояли тучи—такъ въ версту ширины и длины. Вплывешь въ этакую массу—и утопиться радъ отъ жгучей боли! Туча не туча, а просто громадный рой комаровъ, густо носящихся въ воздухѣ. Мы плыли ослѣпляемые, чувствуя сильныя уколы, не зная куда скрыться. Въ глаза, въ носъ, въ уши залѣзали эти кровопійцы, забивались въ платье... лопари бросали весла и кидались въ воду. Тучамъ, казалось, не было конца и предѣла. Прибавьте къ этому, что лапландскій комаръ не наше смиренное насѣкомое. Онъ прокалываетъ кожу оленя. Цѣлыя стада этихъ животныхъ часто бросаются въ бездны и гибнуть, спасаясь отъ комаровъ. Еще хуже были оводы, тоже роившіеся тучами... Да и въ горахъ было не лучше, часто съ вершины я замѣчалъ словно туманъ внизу, надъ пропастями и въ пропастяхъ; при ближайшемъ знакомствѣ туманъ этотъ оказывался сплошною массой комаровъ. Начиная съ

р. Нивы и южнѣе, комары пропадають, но взамѣнъ являются мошки. Трудно сказать, что изъ нихъ лучше или хуже. Мнѣ кажется, что удары бичей легче этихъ миллионовъ укуловъ, наносимыхъ разомъ. Я доходилъ до обмороковъ и долго послѣ не могъ оправиться отъ такихъ неожиданныхъ сюрпризовъ... У лопарей есть преданіе, какъ одинъ рыболовъ душу продалъ чорту за два величайшія блага, какія только могутъ представить себѣ эти номады: 1) чтобы его комары не кусали лѣтомъ; 2) чтобы зимою у него было всегда вдоволь оленины.... Рассказываютъ, что въ горныхъ ущельяхъ находили мертвыхъ лопарей, погибшихъ отъ комаровъ. Въ этихъ случаяхъ комары преслѣдуютъ охотника сплошною тучею, пока онъ не выбьется изъ силъ и не упадетъ, кончая жизнь въ страшныхъ мученіяхъ!..

IV.

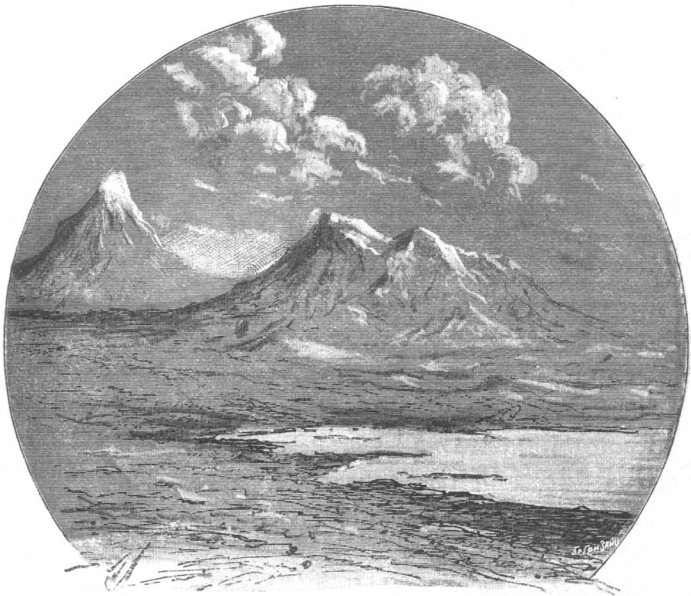
Горы Лапландіи.

Таковы рѣки и озера Лапландіи. Но главную, характеристическую черту лапландскаго пейзажа составляют горы. На картахъ я не встрѣтилъ ни одного хребта, въ дѣйствительности же видѣлъ Кодовскій, Хибинскій, Олений, Волчій, Мончeskій, Плесцовый и Лавозерскій хребты. Формы мѣстныхъ горъ весьма замѣчательны. То это пики, то конусы, то пирамиды, вершины которыхъ образуютъ гладкую столовую поверхность. Горы здѣсь тянутся собственно не хребтомъ и это названіе употреблено мною за недостаткомъ другого, болѣе подходящаго. Онѣ тѣсно скучиваются, но каждая изъ нихъ стоитъ отдѣльно, словно вся эта страна разомъ окаменѣла въ моментъ сильнѣйшаго кипѣнія. Нѣкоторыя возвышенности представляютъ правильныя террасы; если бы не громадность, можно было бы заподозрѣть искусственность ихъ происхожденія. На ихъ скалахъ повсюду видны слѣды движенія плавающихъ

льдовъ въ до-историческія эпохи. Тутъ же трасы глетчеровъ намѣчены съ поразительною ясностію. Чтобы познать съ характеромъ лапландскихъ горъ, я позволю себѣ привести описаніе экскурсіи на Хибинскія горы—величайшія въ этой странѣ, осмотрѣнныя впервые извѣстнымъ русскимъ путешественникомъ и натуралистомъ Миддендорфомъ.

Уже съ Коло-озера, въ верстѣ за 150, видны онѣ синими, смутными очертаніями. Отсюда онѣ преслѣдуютъ путешественника, и только проѣхавъ всю Имандру, теряешь ихъ изъ вида. Съ Пермесь-озера уже замѣтны Хибинскіе глетчеры и самыя очертанія этого хребта вполне опредѣляются. Его особенность—отсутствіе второстепенныхъ вершинъ. Это рядъ крупныхъ горъ, связанныхъ значительною возвышенностію. Великолѣпію вида способствуетъ гладь окружающаго района. Даль открыта и на самомъ краю ея рисуются эти великаны тѣми смѣлыми размахами, на какіе способенъ только величайшій художникъ—природа. Но уже съ Роснаволока на Имандрѣ Хибинныя являются тѣмъ, что онѣ есть. Несмотря на значительную высоту, онѣ поднимаются прямо, безъ предгорій. Во время плаванія отсюда до Роснаволока на моихъ глазахъ отчетливо поднялись одна за другою двѣнадцать вершинъ. Нѣ-

которыя чрезвычайно круты. Это просто масса гранита, только кое-гдѣ лежитъ на немъ ягелевая тундра, т. е. площадки, поросшія оленьимъ мохомъ. Въ луговинахъ растетъ трава, откосы на солнечной сторонѣ одѣты лѣса-

ми. Олени, медвѣди, волки, росомахи, лисицы, зайцы кишмя-кишатъ среди этой каменной пустыни. Противъ острова Высокаго Хибины прямо обрушиваются въ Иmandру. Необычайно крутые спуски ихъ отливаются фіолето-

вымъ отсвѣтомъ. Напротивъ Хибинъ, по другую сторону озера, вздымается не менѣе дикій хребетъ Мончъ-Тундра. Особенно живописны вершины Хибинъ: Лявинская, Поу-Телле и Чудская-смерть; послѣдняя собственно двѣ горы; но онѣ составляютъ точно одну, разсѣченную пополамъ съ верху до низу. Щель между ними замѣтна только съ одного пункта, съ остальныхъ вершина кажется цѣльной... На этихъ горахъ вѣчные льды.

Взявъ провизіи на 5 дней, я отправился на Хибины. Нанять проводника не было средствъ. Цѣлью экскурсіи была гора Лявинская. Первое восхожденіе на хребетъ было въ полномъ смыслѣ слова ужасно. Спуски почти отвѣсны. Вывѣтрившійся гранитъ, «рапа-киви», обрывался; подъ ногами всюду зіяли бездны. Мертвое молчаніе каменной пустыни только изрѣдка нарушалось хриплымъ клекотомъ орла да какими-то странными звуками, только и слышанными мною въ этихъ горахъ. Они похожи были на глухіе, тягучіе стоны, точно гора вздыхала вблизи. Я слышалъ ихъ и ночью, но не могъ уяснить, откуда это и что такое? Звукъ былъ такъ силенъ и глубокъ... Полагаю, что не осѣданіе ли это снѣговъ въ безднахъ и трещинахъ? Сильное впечатлѣніе производили эти загадочные вздохи среди без-

людыя и молчанія, особенно ночью. Не буду описывать всего своего пути. Это однообразный рядъ подъемовъ и спусковъ, до безумія утомляющихъ пѣшехода. Часто на болѣе далекихъ вершинахъ попадаются олени. То одинокій силуэтъ этого красиваго животнаго рисовался на вершинѣ утеса, то цѣлое стадо ихъ неподвижно грѣлось на солнцѣ, лежа гдѣ-нибудь на площадкѣ гранитнаго выступа. Ползая по хребту вверху, я замѣчалъ изрѣдка темныя массы медвѣдей внизу; иногда оглушала меня непуганная дичь въ захолустьяхъ, поросшихъ травою и ягелемъ у воды; но пройдешь впередъ—и опять вокругъ та же молчаливая каменная пустыня. Уже на третій день вечеромъ я понялъ, что заблудился. Однообразіе вершинъ сбило меня съ толку; снизу, съ озера, я ясно различалъ намѣченныя мною горы. Здѣсь ихъ не было видно. Хуже всего притомъ было полное отсутствіе воды. Издали далеко-далеко въ свѣтѣ зари сверкало какое-то озеро, но до него добрыхъ два дня пути... а здѣсь ни одного ручья, ни одной горсти снѣгу. Самая поверхность каменныхъ горъ была вполнѣ обнажена. Ни травы, ни ягеля, ни серебристыхъ пятень сухого лишая... Я усталъ до того, что не могъ продолжать путь; я былъ притомъ голоденъ и не смѣлъ ѣсть, потому что

со мною была только соленая рыба, возбуждавшая жажду... Эта ночь была полна галлюцинацій. Мнѣ чудился шумъ большой рѣки, журчаніе ручья... засыпая, я видѣлъ воду, много воды; просыпался—и опять передо мною возникали картины водяныхъ гладей... Только на другой день, послѣ мучительнаго пути, я услышалъ внизу, съ неописанною радостью, рокоть ключа, и послѣ недолгихъ поисковъ замѣтилъ жалкую струю воды, зигзагами сочившуюся по дну каменной щели... Это спасло меня отъ смерти. Пробродивши еще нѣсколько, я замѣтилъ вдаль двѣ вѣжи. Спѣшу туда, думаю, наконецъ, увидѣть человѣческое лицо. Кричу еще издалека—въ отвѣтъ мнѣ молчаніе... Добѣжалъ, съ трудомъ отворилъ дверь—и чуть не упалъ назадъ. Меня отшибъ невыносимый смрадъ. На полу лежалъ почернѣвшій и скорчившійся трупъ... Страшно было выраженіе мертваго, зеленоватаго лица... Судорожно захлопнувъ дверь, я уже не заглядывалъ въ другую вѣжу, а стремглавъ уходилъ далѣе! Опомился я только на вершинѣ крутой горы, въ обществѣ нѣсколькихъ кречетовъ, рѣзко кричавшихъ мнѣ что-то. Бродя по Хибинамъ, я постоянно встрѣчалъ ихъ, но еще чаще слѣдилъ за громадными кругами, описываемыми орлами въ недосыгаемой вышинѣ

небесъ. До чего эти властители Хибинъ непу-
ганы, видно изъ того, что разъ я всю ночь
провель въ пріятномъ сосѣдствѣ орла, спа-
вшаго рядомъ на скалѣ. Гордая птица не вы-
разила царю созданія даже малѣйшаго знака
своей почтительности. Такимъ образомъ, не
встрѣтивъ живого человѣка, я круто повер-
нулъ назадъ и пошелъ опять на Имандру, но
попалъ туда уже на сорокъ пять верстъ южнѣе
острова, съ котораго началась моя экскурсія.
Нужно прибавить, что во все время моей эк-
скурсіи на горахъ стояла знойная погода.

V.

Въ Кильдинскій погостъ.

Не во всей Лапландіи, однако, бываетъ теплое лѣто; мѣстности, открытыя сѣверному вѣтру, и въ іюлѣ холодны. Чтобы очертить ихъ, расскажу свой путь въ Кильдинскій погостъ, отстоящій на 60 верстъ отъ Колы. Весь этотъ путь пришлось сдѣлать пѣшкомъ, съ грѣхомъ пополамъ переправляясь черезъ встрѣчавшіеся намъ рѣчки и потоки. Разстояніе значительно увеличивалось дальностію бродовъ отъ направленія моей дороги. Но всего хуже были ночлеги въ мокрыхъ низинахъ. По ночамъ меня одолѣвала такая стужа, что, просыпаясь, я находилъ платье и одѣяло одеревенѣвшими. Близъ самаго погоста ночью стоялъ непомерный холодъ; я долженъ былъ зарываться въ песокъ и такъ просыпать до утра. Можно было, разумѣется, пойти въ теплую вѣжу лопаря; но тамъ духота, чадъ, дымъ отъ костра. Въ самомъ погостѣ я нашелъ нѣсколькихъ лопарей; всѣ они лежали въ тифѣ. Не могу при

этомъ не вспомнить комическаго случая, когда я поневолѣ долженъ былъ разыграть роль доктора-самозванца. Въ вѣжѣ, встрѣтившейся по дорогѣ, лежалъ больной лопарь, жестоко жаловавшийся на страшную боль внутри, продолжающуюся три мѣсяца. Семья горевала, потому что некому было работать на нее. Проводникъ мой, котораго я вылѣчилъ хининомъ отъ лихорадки, сообщилъ больному, что я большой вѣдунъ (т. е. чиномъ выше колдуна), что я умѣю бѣлымъ порошкомъ заговаривать болѣзни и выгонять изъ человѣка всякаго чорта. Семья пристала ко мнѣ неотступно. Что было дѣлать? Сказать, что я не силенъ въ магии, значило вызвать недоброжелательство всего окрестнаго района; мнѣ бы никто не повѣрилъ и изъ вѣдуна добраго я былъ бы разжалованъ въ вѣдуна злого, которому всякій добрый лопарь вмѣсто хлѣба обязанъ подать булыжникъ. Выхода не было. Наконецъ, я съ глубокомысленнымъ видомъ подалъ больному бывшую со мною коробку мятныхъ лепешекъ. Съ величайшимъ благоговѣніемъ принялъ ее лапландецъ, перекрестился, чтобы убѣдиться въ отсутствіи дьявольщины, и, закрывъ глаза отъ священнаго ужаса, проглотилъ первый пріемъ этого таинственнаго зелья. Сказать правду, возвращаясь я черезъ нѣсколько дней

въ этотъ погостъ не совсѣмъ спокойно. Что, если умеръ?—шевелилось въ головѣ. Представьте же себѣ мое изумленіе, когда я засталъ его совершенно здоровымъ. Незаслуженно я долженъ былъ выслушать выраженіе пламеннѣйшей благодарности, при чемъ признательный пациентъ въ порывѣ великодушія зарѣзаль оленя и собственноручно клалъ мнѣ въ ротъ куски оленьяго сала. Долго послѣ того я не могъ оправиться отъ этого благодарственного торжества, послужившаго достаточнымъ наказаніемъ за мое самозванство. Съ тѣхъ поръ долго мнѣ не было покоя. Одинъ лопарь приносить пулю и требуетъ, чтобы я заговорилъ ее на оленя и медвѣдя, другой проситъ навести больше птицы въ лѣса и заклять волковъ въ тундрѣ. Третій требовалъ неотступно, чтобы у его жены родилось двое мальчиковъ, и такъ далѣе... Возвращаясь назадъ отсюда, я засталъ на дорогѣ еще худшую стужу. Раскладывали мы костры—не помогало. Повернешься къ огню ногами—спинѣ и головѣ невыносимо холодно, ляжешь къ нему головою—ноги словно льдомъ обложены... Зато, какъ только мы зашли за первый высокій хребетъ, стужи какъ не бывало.

VI.

Л ъ с а.

Горы, озера и рѣки Лапландіи достаточно уже очерчены мною. Остается только одинъ пробѣль въ общей картинѣ этой страны — ея лѣса.

Верстахъ въ двухстахъ отъ Пермесь-озера лежитъ Лавозеро. Мнѣ страстно хотѣлось видѣть этотъ уголокъ. Весь путь, разумѣется, нужно было сдѣлать пѣшкомъ. Взятый изъ Кицкой станціи проводникъ оставилъ меня; желающихъ ийти на Лавозеро не оказывалось. Только на другой день пришла сюда лапландка, мужъ которой ушелъ на рѣчку Кильжуху, по дорогѣ на Лавозеро. Она бралась проводить лишь только до этой рѣчки. Оттуда я долженъ былъ ийти одинъ. Долго думать было нечего, черезъ часъ мы вышли. Намъ пришлось бродить по чернолѣсью. Тропинки не было. Лопарка шла впереди съ топоромъ. Она буквально врубалась въ сплошную чащу. Разъ, въ цѣлый день пути, мы сдѣлали только шесть

версть, отдыхая не болѣе двухъ часовъ. Часто, чтобы пройти нѣсколько шаговъ, нужно было часа полтора работать топоромъ, обрубая ельникъ. Какъ-то версту мы сдѣлали ползая подъ нижними сучьями елей и, какъ угри, извиваясь во мху. Часто сквозь стволы лѣсныхъ деревьевъ бѣлѣли горы, покрытыя ягелемъ. Разадва яшель еловыми и сосновыми порослями, очевидно, убитыми ягелемъ. Гнилые пни немощно стояли въ этомъ морѣ оленьяго мха. Зато лѣсное царство иногда бываетъ замѣчательно красиво. Въ его глуши гремятъ водопады,

шумять пороги. Особенно эффектна эта картина, когда солнце ударяет въ лѣсъ уже во время заката; березки кажутся насквозь золотыми, а ели за ними образуютъ почти черный фонъ... Деревья достигали до двухъ съ половиною четвертей въ діаметрѣ, но сѣвернѣе они умяются, и сторона ихъ, обращенная къ полюсу, обнажается отъ вѣтвей, которыя безпомощно протягиваются на югъ.

По нашему пути растительность была такъ густа, что граціозныя стрѣлки высокихъ елей едва могли вырваться изъ обступившей ихъ березовой чащи, а березнякъ, въ свою очередь, едва выпутывался изъ сочной и высокой травы... Въ этихъ тущобахъ финскаго захолустья водятся и змѣи, черныя и пестрыя, толщиною иногда въ руку. По словамъ лопарей, змѣя только тогда бросается на человѣка, когда съ нею дѣтеныши; змѣи переплываютъ и плесы, эти черныя съ желтыми кольцами...

На четвертый день пути мы прибыли на Кильжуху. Мужъ проводницы жилъ у самаго порога, въ виду громадной горы, стоявшей одиноко среди темнаго лѣснаго простора... Отсюда мнѣ нужно было идти одному. Кильжухой я поднялся до Кучши, впадающей въ Лавозеро. Раза два я обходилъ притоки. Путь былъ

бы невозможенъ, если бы кое-гдѣ черезъ рѣки не были нагромождены природою массы камня. Въ пустынѣ я былъ одинъ. Я не боялся звѣря, меня пугала только возможность заблудиться и, слѣдовательно, погибнуть голодною смертью. Компасъ и морошка спасли меня. По компасу, обязательно данному мнѣ въ Колѣ Шабунинымъ, я шелъ почти безошибочно впередъ; морошка, замѣняя мнѣ пищу, позволяла мнѣ сберечь небольшой запасъ взятаго съ собою хлѣба и вяленой рыбы. Памятны мнѣ ночи, проведенныя въ пустынѣ. Есть что-то торжественное, молитвенное въ сознаниіи такого одиночества. Природа дѣлалась ближе къ сердцу, нервы напрягались, такъ что я слышалъ издалека даже малѣйшій шорохъ. По чуткости и осторожности я былъ похожъ на преслѣдуемое животное. Идя по открытымъ мѣстамъ, я пробовалъ пѣть, но въ этихъ мѣстахъ какъ-то дикъ и страшенъ казался мнѣ собственный голосъ. Пробовалъ мечтать, грезить—безлюдье и глушь давили воображеніе. Не стану описывать всѣхъ впечатлѣній этого пути. У самаго озера, на рѣкѣ Кучшѣ, я наткнулся на лопаря и едва ли бы онъ болѣе изумился, встрѣтивъ какое-нибудь невѣдомое ему чудище. Ошеломленный на мгновеніе, онъ кинулся отъ меня на ближайшую вараку. На-

прасно я кричалъ ему, бѣжалъ за нимъ: онъ уходилъ все дальше и дальше, пока не пропалъ въ скалахъ... Спустия день, я съ горы замѣтилъ двѣ вѣжи, меня оттуда тоже замѣтили, и я еще не успѣлъ спуститься, какъ три лопаря, четыре лопарки и нѣсколько ребятъ выбѣжали вонъ и кинулись съ криками и воплями въ противоположную сторону. Нужно прибавить, что такъ дики эти мирные и честные труженики сѣвера только въ глуши. Между Колой и Кандалакшей, на Пазрѣкѣ и на берегу океана они не только не уходятъ отъ туриста, но даже охотно завязываютъ съ нимъ знакомство.

Зато въ Лавозерѣ меня встрѣтили радушно. Едва ли это не самое рыбное мѣсто въ Лапландіи, хотя вслѣдствіе громаднаго водопада на рѣкѣ Вороньей здѣсь не появляется семга. Тутъ я тоже наткнулся на картографическую ошибку: Лавозеро соединяется съ океаномъ не рѣкою Тириберкой, а Вороньей. Кругомъ Лавозера пропасть оленей и лисицъ. Горы, озера и лѣса не исчерпываютъ еще деталей лапландскаго пейзажа. Здѣсь есть прекрасные луга.

VI.

Луга и рѣка Ена.

Въ югозападный рукавъ озера Имандра—Бабенгскій, впадаетъ извилистая и красивая рѣка Ена. Отъ провожавшихъ меня лопарей я слышалъ, что по ея берегамъ поселились и живутъ никому невѣдомые люди. Въ Колѣ о нихъ не знали ничего. Лапландцы считали этихъ переселенцевъ чуть не вѣдунами. Толковали, что у нихъ пропасть стадъ, превосходныя пастбища, огороды и даже нивы. Какъ было не отправиться туда? Со мною пошелъ славный молодой лопарь Бархатовъ, и на третій день нашего похода я уже не зналъ, гдѣ мы, такъ непохожа была природа этого края на Лапландію. Представьте себѣ изумруднымъ блескомъ отливающіеся луга, густую и до того высокую траву, что проводникъ иногда пропадалъ въ ней, идя впереди. Только по колыханію верхушекъ этой травы я узнавалъ направленіе, по которому идетъ Бархатовъ; иногда показывалась его шапка, рѣдко самъ. И та-

кія пожни тянулись не на версту и не на двѣ, а чуть ли не по всему теченію Ены. При этомъ трава сочна, нѣжна и ароматична. Острова по Енѣ тоже сплошь заросли такою зеленью. Во время вѣтра мягко стелется она красивыми волнами, тихо колышутся луговые цвѣты, преимущественно бѣлые, точно зонтики разбросанные повсюду... Въ травѣ пропасть птицы, массаи она подымалась на каждомъ шагу, прямо изъ-подъ ногъ. Уже на третій день нашего пути, тамъ, гдѣ рѣка образуетъ крутую излучину, я увидѣлъ впереди чье-то жилище, просто тупу, потомъ другое, третье и т. д. Они оказались не скученными въ село, а разбросанными на большомъ районѣ, одно отъ другого версты на двѣ, на три... Вездѣ попадалось множество прекраснаго скота, коровы были крупны и сильны. Говорятъ, что на каждую тупу ихъ приходится около 12. Попадались много оленей, барановъ. Поселенцы, при ближайшемъ знакомствѣ, оказались вышедшими изъ Улеаборгской губерніи финнами. «Невѣдомые люди» на меня смотрѣли тоже какъ на невѣдомаго человѣка. Сбѣгались къ берегу, грозили мнѣ ножами, кричали что-то по-своему. Богатые хозяева Адамъ и Сиппа, къ которымъ я попросился въ избу, приняли меня не совсѣмъ ласково. Сиппа сталь съ

ружьемъ у своего дома, и только когда убѣдился, что я пришелъ не съ цѣлью выгонять ихъ отсюда, направленное въ меня дуло опустилось и недавній врагъ съ поразительнымъ радушіемъ предложилъ мнѣ все, что у него было. Адамъ, къ которому я подплылъ вечеромъ, сначала чуть не пырнулъ меня ножомъ, а потомъ оказался добрѣйшимъ и гостепріимнѣйшимъ малымъ. Нужно видѣть эти коренастыя фигуры, эти мужественныя лица, чтобы довѣриться имъ вполнѣ. Несмотря на нежеланіе Бархатова оставить меня, я отпустилъ его и, проплывъ Ену съ финнами, не только не раскаивался въ этомъ, но, напротивъ, постоянно находился въ положеніи обязываемаго челоуѣка. Наконецъ, мнѣ удалось увидѣть и нивы этихъ колонистовъ. Они сѣютъ ячмень; урожай даетъ имъ отъ самъ 6 до самъ 9. Есть огороды, гдѣ растетъ картофель, рѣпа и брюква. Пробовали сѣять они капусту, но она пошла вся въ трубку. Переселенцы страшно боятся, чтобы ихъ не послали назадъ въ Улеаборгскую губернію. «Что вы сдѣлаете, если къ вамъ пріѣдутъ власти?— Не пустимъ ихъ. Мѣсто у насъ дикое, войско къ намъ не придетъ. А въ случаѣ чего, есть ружья и ножи: будемъ защищаться... Сколько лѣтъ мы трудились, и все это добро бросать!..» Я ихъ успокоилъ,

имъ не только никто не хотѣлъ мѣшать, напротивъ, принимались мѣры помощи переселенцамъ. Во всякой тупѣ у финна была библія. Всѣ грамотны; мальчики ходятъ учиться къ одному изъ братьевъ Сиппа. У финновъ здѣсь превосходныя рыбныя ловли. Пастбища и луговины покрыты такою густой и высокой травой, что одинъ изъ Адамсовъ заблудился въ поляхъ и погибъ тамъ. Его нашли уже зимою, и то расклеваннымъ вороньемъ и обѣдненнымъ волками.

Если природа Лапландіи прекрасна, если вы уже не считаете этотъ край царствомъ ужаса и смерти, то я надѣюсь указать, какъ много таится высокаго, добраго, честнаго въ душѣ его номада...

Денегъ у меня оставалось самое ничтожное количество. Пускаться далѣе не было возможности и я пошелъ зигзагами на Кандалакшу. На озерѣ Умма я встрѣтилъ опять одичавшую семью лопарей, уплывшихъ отъ меня на середину водяного простора и упорно державшихся тамъ, пока я стоялъ на берегу. Еще далѣе, близъ горы Волчьей, я нашелъ двѣ вѣжи съ голодающимъ населеніемъ; несчастные обступили меня со всѣхъ сторонъ, умоляя дать

имъ хлѣба. Озеро, гдѣ они промышляли, отчего-то оскудѣло рыбой—и голодная смерть неминуемо грозила этимъ номадамъ-рыболовамъ. Прежде они были на другихъ угодьяхъ, но оттуда ихъ выгнали комары и оводы. Новыя мѣста оказались еще хуже... Наконецъ, до перваго русскаго села, Кандалакши, оставалось не болѣе трехъ дней пути.

Я отпустилъ лопарей и, руководствуясь ихъ указаніями, одинъ пошелъ впередъ оленьей тундрой и лѣсами. Еловые и сосновыя поросли, очевидно, вымирали, захваченныя ягелемъ, гнилые пни немощно стояли въ этой бѣлой, словно саванъ, одеждѣ и новыя горныя цѣпи подымались передо мною и уходили вдаль, но тутъ уже кончались привольныя пустыни Лапландіи.

Съ Плесцовыхъ горъ шла окраина, занятая изстари первонасельниками русскими, потомками ушкуйниковъ, грабившихъ отсюда чудь бѣлоглазую. Я вступилъ въ эту русскую полосу земли съ чувствомъ нѣкоторой грусти. Позади оставалась величавая, дикая, своеобразная глушь, которой я былъ обязанъ лучшими впечатлѣніями моей жизни. И сердце невольно тосковало по этимъ захолустьямъ. Въ самое короткое время въ путешественникѣ

уже развивается та цыганская страсть, та жажда новаго, никому невѣдомаго, которая знакома всякому, путешествовавшему по многообразнымъ и неисчислимымъ пустырямъ великой земли русской.

VIII.

Лопарскій погостъ.

Въ Лапландіи еще царить зима.

Снѣгами засыпаны горы и ущелья, долины и тундры. Озера, рѣки стоятъ подъ опаловыми поверхностями ледяного покрова и только незамерзающіе пороги и водопады гремятъ коегдѣ среди мертваго молчанія окружающей ихъ пустыни. Низко ходятъ по небу сѣрыя тучи, туманъ стелется въ понизьяхъ. Ночью еще во всемъ своемъ грозномъ величїи раскидываются по небу огнистые сполохи... Но апрѣль уже близится, морозы не такъ сильны, холодные вѣтры унялись и только изрѣдка шумить вьюга, съ дикимъ свистомъ врываясь въ ущелья да засыпая новымъ снѣгомъ мирные погосты. Среди пустырей, въ царствѣ полного безлюдья, далеко отъ пѣшеходныхъ и оленьихъ дорогъ, ютятся эти поселки лопарскіе или на скатѣ пологой горы, или на днѣ мрачной котловины, или на широкой луговинѣ у большого озера... Это не деревня осѣдлаго человѣка и не кочевье

номада. Это еще переходъ къ постоянному жилью, первая попытка жить въ подобіи избъ, на одномъ мѣстѣ, но не постоянно, а такъ лѣтъ двадцать, тридцать, пока олени не выѣдятъ весь ягель въ окрестностяхъ погоста, пока рыба не переведется въ ближайшихъ озерахъ, а звѣрь—въ ближайшихъ варакахъ. Тогда лопари снимаются, идутъ за триста верстъ далѣе и строятъ тамъ новыя избы—тупы, быстро забывая старое насиженное гнѣздо.

Живописенъ видъ лопарскаго погоста. Еще издали, подходя къ нему, вы слышите громкій лай собакъ и какіе-то хриплые крики. Въ воздухѣ пахнетъ соленою рыбой и гарью. Но вотъ вы поднялись на вершину послѣдней горы и далеко внизу, на днѣ долины, у извилистаго ручья рисуется словно на ладони лапландскій поселокъ. Вы различаете внутри его часовню, а кругомъ какіе-то странные четырехугольные срубы, крытые на одинъ скатъ. Между ними чернѣютъ амбарушки, словно ящики, на высокихъ столбахъ, только съ острыми кровлями.. Все это разбросано, раскидано. Пять-шесть тупъ вмѣстѣ, кучкой, а такъ за двѣсти саженъ другая кучка. Вокругъ часовни ели или березы. Между тупами шатаются бараны, возятся собаки. Иногда издали послышится гулъ, словно

море заливаешь окрестность своими неугомонными волнами. Подождите минуту и на ваших глазах почернѣют окрестныя горы подъ тысячеголовыми стадами оленей, согнанныхъ собаками. Обрываясь съ отвѣсныхъ почти скатовъ, чуть не по горло уходя въ снѣговые сугробы, засыпавшіе горныя трещины, вы, наконецъ, сползаете внизъ, и первое, что вамъ кинется въ глаза, это—миролюбіе собакъ. Онѣ не бросаются чужому подъ ноги, не лаютъ на него во всю пасть, не норовятъ заняться оперативною хирургіей надъ вашими икрами. Напротивъ, ласково ворча, онѣ стаей встрѣчаютъ васъ и торжественно провожаютъ до самаго погоста... Подходите ближе — и всюду вы видите разбросанными и на снѣгу рыбы внутренности, кости, пятна крови отъ свѣжеванныхъ оленей.

Все населеніе погоста высыпаетъ вамъ навстрѣчу, и тутъ вы поражены прежде всего лицами этихъ номадовъ сѣвера. Изъ толпы смотрятъ на васъ фізіономіи, изрѣдка только съ смѣющимися красноватыми глазами и выдавшимися скулами. Всѣ они безъ шапокъ. Волосы низко падаютъ на лобъ, бороды рѣдки и малы. Между взрослыми снуютъ дѣти, женщины выглядываютъ изъ дверей, и между ними вы замѣтите не мало миловидныхъ лицъ. Мурманскіе лопари, живущіе между Нуотъ-

озеромъ и Лавозеромъ, особенно красивы. Смѣшеніе съ русскими создало здѣсь довольно сильный типъ, лучшими представителями котораго являются дѣвушки. Брюнетки съ сѣрыми и голубыми глазами, блондинки съ черными глазами здѣсь не рѣдки. Прибавьте къ этому замѣчательно маленькія руки и ноги, которымъ позавидовала бы любая изъ нашихъ львицъ, стройное сложеніе, выкупающее малый ростъ,— и дикари сѣвера покажутся вамъ весьма привлекательными. Наиболѣе сохранили свой типъ лопари терскіе; эти не только малорослы, но и большеголовы, короткошеи; красновато-каріе, узкіе, словно щели, глаза, темнорусые и часто рыжіе волосы, выдавшіяся скулы на мѣдно-красномъ лицѣ, длинныя руки и короткія ноги дѣлаютъ ихъ весьма некрасивыми, за исключеніемъ іоканкскихъ и лумбовскихъ, типъ которыхъ весьма привлекателенъ. Но уже близъ Финляндіи и около Скандинавскаго королевства живутъ такъ-называемые горные лопари. На смуглыхъ, толстощекихъ лицахъ играетъ яркій румянецъ, изъ-подъ черныхъ, падающихъ на лобъ, волосъ зорко смотрятъ большіе каріе глаза. Большое тѣло на короткихъ, сильныхъ ногахъ и цѣпкія, мощныя руки... Я встрѣчалъ среди мурманскихъ лопарей почти красавцевъ. Между лопарками было не мало дѣвушекъ, которыя

съ честью заняли бы первое мѣсто въ любомъ нашемъ селѣ. Но пока вы разглядываете эту суетливую, высыпавшую къ вамъ навстрѣчу толпу, она наступаетъ на васъ со всѣхъ сторонъ съ громкими криками. Только не пугайтесь: это выраженіе радушія. Каждому лопарю хочется самому принять и угостить васъ. «Коли гость въ избѣ, значить Господь тебя не оставилъ». «Страннику даль, значить на промыслѣ въ десять разъ взялъ». «Кого Богъ возлюбилъ, къ тому и гостя послалъ». «Кто путника накормилъ, тотъ десять лѣтъ не будетъ голоденъ ни разу». Вотъ пословицы и повѣрья лопарей.

Во всей этой толпѣ, тѣсно окружившей васъ, вы не увидите ни одного, который былъ бы одѣтъ лучше другихъ. На всѣхъ одни и тѣ же пычки: шубы изъ оленьяго мѣха, шерстью вверхъ; подъ пычкомъ раканъ, дубленый полушубокъ изъ того же мѣха; ниже—шерстяная вязаная рубаха. На ногахъ пякуи изъ оленьихъ лапъ и яры шерстью вверхъ; чѣмъ выше загибаются ихъ острые носки, тѣмъ нарядъ считается щеголеватѣе. Шапки на овчинѣ или на оленьемъ мѣху, съ ушами; онѣ обложены кругомъ лисьими хвостами, съ синимъ суконнымъ верхомъ, усаженнымъ бисеромъ и костяными пуговками. Фильманы, сверхъ того, но-

сять длинные сапоги изъ шкуры, снятой съ оленьихъ ногъ. У нихъ за поясомъ всегда большой ножъ, а на головѣ шапка, надъ мѣховымъ околышемъ которой возносится нѣчто въ родѣ верхней половины уланскаго кивера. Женщины носятъ уборъ, поразительно напоминающій каски, въ которыхъ являются на сцену пресловутые карабинеры въ «Разбойникахъ» Лекока. Эти каски съ торчкомъ, стоящимъ языкомъ, украшены всѣмъ, что только есть у лопарки: мѣдными пуговицами, бусами, галунами, стеклышками, кусочками зеркаль, металлическими шариками. Щеголихи буквально сгибаются подъ тяжестью своего оригинальнаго головного убора. У одной лопарки я видѣлъ его украшеннымъ сплошь старинными серебряными рублями. Многія изъ нихъ усвоили себѣ русскій костюмъ, но и онѣ не могутъ разстаться съ этою каской. Продать ее рѣшится лапландская дѣвушка только въ крайней нуждѣ. Я предлагалъ до пяти рублей за простой уборъ такого рода, и мнѣ его не отдали. Малорослыхъ, хотя и красиво сложенныхъ лапландокъ чрезвычайно портить этотъ громаднй мавзолей, сооружаемый ими надъ головою. Лѣтняя одежда— юпа, шитая изъ сѣраго сукна, родъ голландской рубахи съ прямымъ воротомъ. На головѣ то круглый, то островерхій вязаный или ва-

скать, иногда досчатая, иногда крытая дерномъ. На передней и боковой стѣнахъ по одному окну, скупо пропускающему свѣтъ въ слюдяныя, рѣдко-рѣдко стекляныя рамы. Двери лопарей на деревянныхъ петляхъ. Въ лѣвомъ углу отъ входа устроены тякувъ, нѣчто въ родѣ камина, каменной кладки. Полукруглый большой зѣвъ ея постоянно обдаетъ васъ жаромъ, потому что огонь въ кострѣ поддерживается всегда. Изъ тякува въ крышу сдѣлана просто-на-просто дыра. По нашему закрыть трубу, а по лопарски заложить это тряпьемъ, старыми лохмотьями. Отъ тякува вдоль стѣны, идутъ полки для утвари. На продольныхъ и переднихъ стѣнкахъ нары. Домохозяева съ же-

ленный колпакъ, шерстяные чулки да каньги изъ оленьей кожи съ носками, загнутыми кверху, и мягкою подошвой. Рубашка опоясывается шерстяной узорной лентой съ огневницей въ родѣ портмоне, усаженной бисеромъ и пуговками. Впрочемъ, приморскіе лопари въ послѣднее время стали носить, разумѣется по праздникамъ, пальто и сюртуки норвежскаго издѣлія, оставивъ у себя старыя шапки и старую обувь. Они необыкновенно смѣшны въ этомъ костюмѣ. Пычекъ, пякуи, яры, каньги, шапки, колпаки, чулки, пояса и ремни готовятся изъ домашнихъ матеріаловъ лапландками. Молодые лопари причесываются на одно ухо, пожилые на оба. Первые подстригаютъ волосы въ полъ-уха, а пожилые оставляютъ ихъ расти хотя до плечъ. Но понятно, что доглядѣть это платье вамъ придется уже въ тупѣ, у ярко-горящаго костра. Дѣло въ томъ, что пока вы недоумѣвали, къ кому изъ лопарей взойти, одинъ захватилъ васъ за плечи и чуть не силою втащилъ къ себѣ, кланяясь на каждомъ шагу и желая вамъ всего лучшаго. Съ удивленіемъ останавливаетесь вы посреди этого страннаго жилья. Сажени двѣ въ ширину и двѣ съ половиною въ длину, эти четырехугольные срубы очень низки, аршина три съ четвертью, не болѣе, высоты. Кровля на одинъ

нами помѣщаются на передней лавкѣ въ углу, далѣе сыновья и остальные мужчины. Дѣвушки у двери. Въ тупѣ, такимъ образомъ, живетъ иногда до двадцати пяти, тридцати человѣкъ. Чѣмъ больше народу въ пыртѣ (лопарское названіе избы), тѣмъ счастливѣе хозяинъ. Чистота воздуха при этомъ, разумѣется, считается лишней роскошью и лопари выносятъ такую духоту, въ какой намъ нельзя было бы провести и минуты. Въ переднемъ углу—иконы, мѣдные складни и лубочныя картины. Разъ въ одномъ пыртѣ увидѣлъ я между образами графа Паскевича-Эриванскаго верхомъ на лошади, съ обычными особенностями суздальскаго художества, т. е. зеленымъ лицомъ, желтымъ мундиромъ и красною лошадыю. Спрашиваю—лопари, наивно крестясь, заявляютъ, что это Георгій побѣдоносець. Въ другой разъ мнѣ показали икону св. Николы и рядомъ жену этого святого. Изумленный, всматриваюсь и вижу греческую дѣвицу Бобелину. Черезъ Норвегію ввозятся сюда сантиментальныя картины берлинскаго издѣлія: франты во фракахъ съ кривыми ногами и локтями, вывернутыми фертромъ, и слащавыя дѣвицы съ глазами, опущенными внизъ, и цвѣточками въ рукахъ. Эти тоже сходятъ за святыхъ и чествуются лопарями. Танцующій лейпцигскій

музыкантъ кривоногій со скрипкой въ рукахъ оказался царемъ и псалмопѣвцемъ Давидомъ. И такихъ курьезовъ было не мало! Къ пыртамъ зачастую пристраиваются сѣнцы и разныя клѣтушки для овецъ, рухляди, платья и оленьихъ постелей.

Находившіеся въ избѣ потѣснились. Хозяева отдали вамъ свой уголь, но я бы не совѣтовалъ занимать его, если вы хотя немного чистоплотны. Пока путникъ раскладывается, въ избу набиваются посторонніе; скоро некуда будетъ и ноги поставить, и всѣ они смотрятъ на васъ, разинувъ рты. Наконецъ, они освоились съ новымъ лицомъ. Нужно только рѣшить, большой ли онъ начальникъ: больше-ли онъ ихъ волостного писаря, и дерется-ли? Напрасно вы станете убѣждать ихъ, что большіе начальники не дерутся: они только недовѣрчиво покачиваютъ головою. Слѣдующій за тѣмъ вопросъ:

— Знаешь ли ты царя?

— Знаю, а что тебѣ?

— Хотимъ жаловаться.

— На что?

— Оленей въ тундрѣ мало стало, зима нонѣ долгая. А какой у насъ царь? ..—И тамъ опять рядъ вопросовъ: гдѣ живетъ царь, какіе еще гдѣ есть начальники, нѣтъ-ли гдѣ опять войны,

любить-ли по-прежнему лопарей царь, и какъ его увидѣть, какъ до него доѣхать? Правда ли, что большіе начальники могутъ вѣтеръ заколдовать, и т. д. Чѣмъ обстоятельнѣе имъ отвѣчаете, чѣмъ менѣе показываете свое превосходство, тѣмъ вы имъ желаннѣе и пріятнѣе. Войдя, непременно пожмите всѣмъ руки и хозяевъ посадите съ собою: они будутъ въ восторгѣ. Лопари чрезвычайно любятъ почетъ. Они часто пріѣзжаютъ къ священнику въ гости съ подарками, но не показываютъ ихъ. Тотъ посадить ихъ въ передній уголъ, угостить водкой, и тогда изъ-подъ полы номада является на столъ или лисица, или оленина. Разъ у кольскаго священника собралось мѣстное начальство. Пріѣзжаетъ лопарь; добрый пастырь принимаетъ его въ гостиной, сажаетъ съ другими, обращается съ нимъ какъ съ равнымъ. Лапландецъ не показалъ и виду, что онъ замѣтилъ это отличіе, но, спустя три дня послѣ его выѣзда, священникъ получилъ въ подарокъ лисью шубу, пять рублей денегъ и пять бѣлыхъ оленей...

Вопросы истощены. Вы думаете, что васъ уже оставили въ покоѣ. Ничуть не бывало.

— Не докторъ-ли ты? выдвигается изъ толпы приземистая старушонка.

— Нѣтъ.

— А лечить можешь?

— Отъ чего?

— А видишь, поспратчилось одному... Лежить у меня въ тупѣ..

— А у меня вонъ ружье нонѣ все мимо да мимо стрѣлить: вылечи его.

Всѣ вообще лопари съ необычайнымъ довѣріемъ относятся къ докторамъ, о которыхъ они только слышали, и къ медицинѣ, единственнымъ представителемъ которой является кольскій фельдшеръ. Васъ удивляетъ притомъ необычайное знаніе этими инородцами русскаго языка. Въ тупѣ, куда зашли вы, всѣ говорятъ безъ малѣйшаго акцента. По способу выраженій, по постройкѣ фразы вы видите, что они и думаютъ по-русски. Это общее явленіе. Лопари среднихъ погостовъ превосходно знаютъ русскій языкъ, и только нѣкоторыя женщины и дѣвушки не говорятъ на немъ вовсе. Лопари создали даже нѣсколько пословиць, которыя потомъ приняты русскими. Въ нѣкоторыхъ погостахъ я даже замѣтилъ необычайное явленіе. Кучки народу толковали между собою; издали кажется, что говорятъ по-русски, потому что поминутно звучать русскія слова. Прислушайтесь—окажется, что ихъ выраженія состоятъ на половину изъ русскихъ и на половину изъ своихъ словъ. При этомъ

усвоенными словами оказываются не тѣ, какихъ не существовало въ ихъ языкѣ, а самыя обыкновенныя: сегодня, поѣхаль, ушелъ, олень.

— Тирвана ту повдзь, братъ милый? слышится вамъ, т. е. здоровы-ли твои олени, милый братъ?

— Тирванъ лѣа вовдзь, Господнимъ произволеніемъ, т. е. здоровы пока Господнимъ произволеніемъ.

— Коость аанъ, хорошо шелакъ? (Гдѣ теперь и хорошо-ли промышляешь?)

— Югаль, падунъ, югаль. (На рѣкѣ у падуна.)

— Коозъ вулькитъ сегодня? (Куда поѣхаль сегодня?)

— Да вотъ тутъ повцедъ отце вуильки галнъ, совсѣмъ пропали! (Да вотъ тутъ искать своихъ оленей, совсѣмъ пропали!)

— Смотри—ааны польдестъ енны. (Смотри. нынче много волковъ.)

— Юммаль берегошъ. (Господь сохранить...)

И т. д. Вообще, податливость этого племени на усвоение себѣ оборотовъ и выражений чуждой рѣчи замѣчательна. Лопари, живущіе на границахъ съ Норвегіей и Швеціей, говорятъ своимъ отдѣльнымъ языкомъ, въ которомъ слышится значительное вліяніе скандинавскаго; лопари, осѣвшіе по Эйнарѣ и вообще близъ Финляндіи, усвоили себѣ характеръ финскаго

языка. Мурманскіе лопари говорятъ, какъ уже выше замѣчено, полурусскимъ языкомъ и только нѣкоторыя терскіе во всей чистотѣ сохранили свою рѣчь. Поддаваться вліянію русскаго языка лопари начали съ тѣхъ поръ, какъ стали строить избы. Еще при Петрѣ они жили въ вѣжахъ и говорили посвоему, вовсе не понимая нашихъ промышленниковъ. Лопари разныхъ погостовъ часто не понимаютъ одинъ другого, и дипломатическимъ языкомъ считается у нихъ русскій. До чего различаются нарѣчія даже сосѣднихъ погостовъ, видно изъ того, что общее выраженіе: приходи ко мнѣ въ гости, у лопарей на Имандрѣ произносится такъ, а у сонгельцевъ иначе. Самый языкъ лопарей отличается нѣкоторою пѣвучестью и очень приятенъ, когда его слышишь на просторѣ широкаго озера, когда дѣвичій голосъ словно отчеканиваетъ короткія и слегка гортанныя слова этого народа.

Но вы все еще въ тупѣ. Удовлетворивъ своему любопытству, лопари частію разошлись, частію разсѣлись на корточки по угламъ пьрта и неотступно смотрятъ на васъ оттуда. Въ тякувѣ уже разложенъ костеръ и вода въ черныхъ, цѣлыми слоями сажи покрытыхъ котлахъ начинаетъ уже клокотать, закипая. Ужинъ вамъ приготовляетъ непременно старшая изъ

дѣвушекъ, которыя сидятъ молча, не заговариваютъ съ вами, стыдясь или считая неприличнымъ расспрашивать васъ о чемъ бы то ни было. Даже если вы обратитесь къ лапландской дѣвушкѣ и заговорите съ нею, она только отвернется отъ васъ, а остальные изумятся вашему незнанію обычаевъ лапландскаго большого свѣта. Хозяинъ тупы угоститъ васъ всѣмъ, что у него есть. Уха изъ свѣжей рыбы, жареная на палочкахъ рыба, реска (т. е. мука, замѣшанная на водѣ безъ соли, только испеченная на огнѣ), лунда—уха съ мукой и, въ добавокъ, каша изъ муки пополамъ съ толченой сосновой корой, замѣшанная на ухѣ съ саломъ. Если недавно былъ убитъ олень, вамъ подадутъ оленины; если вернулся въ погость охотникъ съ дичью,—вамъ принесутъ куропатокъ или кривцовъ. Сами лопари мясо всякаго рода сберегаютъ на праздники. Хлѣбъ печеный покупается ими у русскихъ; сами они готовятъ его не умѣютъ вовсе. Если священникъ съ женою пріѣзжаетъ въ церковь и останавливается въ церковномъ домѣ, къ нимъ со всѣхъ сторонъ тянутся лопари съ мукою, умоляя матушку - попадью испечь имъ хлѣба. Прежде, чѣмъ подать вамъ что-нибудь, лопарь непременно самъ попробуетъ его. Съ каждымъ кушаньемъ онъ крестится и говоритъ вамъ:

«Бшь Господень даръ». Вы, если хотите пользоваться репутацией челоуѣка благовоспитаннаго, должны отвѣчать: «Благослови Господи дающаго!» Затѣмъ—взаимный поклонъ. Садясь ѣсть, лопарь надѣваетъ на себя все чистое и лучшее. Домашняя утварь лопаря состоитъ изъ чугунныхъ и мѣдныхъ котловъ, деревянныхъ чашекъ и ковшей, чашекъ изъ бересты, сшитыхъ оленьими жилками и украшенныхъ рѣзными узорами, деревянной ложки для черпанья рыбы, берестяной солонки и берестяной-же скатерти. У богатыхъ встрѣчается каменная норвежская посуда, но они не любятъ ея и ѣдятъ изъ своей. На большія торжества лопари готовятъ семужью кулебяку на ржаной мукѣ пополамъ съ сосновой корой, сизи, кунжу, оленину, пойду, мозги и кашу. Церемоніаль обѣда, строго соблюдаемый, таковъ: прежде всего молитва, потомъ подаются кулебяки, второе—щи, третье—реска, четвертое—мясо съ саломъ, пятое—пойда, шестое—мозги въ костяхъ, седьмое—каша пшеничная или крупяная съ масломъ или саломъ. Разумѣется, это въ особенные торжественные дни. Обыкновенный же обѣдъ—реска и уха изъ вяленой или свѣжей рыбы. Все жирное особенно любятъ лопари. Они съ удовольствіемъ пожираютъ ворвань и китовый жиръ, топленое масло и сало вся-

каго рода. Случалось, что въ Колѣ лопари съѣдали съ удовольствіемъ сальныя свѣчи, разумѣется безъ фитиля. Нерпичій жиръ, отвратительный на вкусъ и запахъ, охотно поѣдается ими. Зато лопари не ѣдятъ медвѣдей, зайцевъ и росомахъ, чаекъ, орловъ, зуйковъ. Мурманскіе лопари ни за что не стануть ѣсть сырое или несоленое кушанье. Во время неурожая на рыбу, они ѣдятъ и въ посты куро-патоку, называя ихъ летучей рыбой. Наконецъ, ужинъ готовъ. Посрединѣ пола кладутъ большую доску, на нее ставятъ котель съ ухой. На отдѣльные куски бересты бросаютъ вареную вмѣстѣ съ кожей и чешуей рыбу изъ ухи, причемъ большою галантностью считается, если самъ хозяинъ пальцами отдѣлать мясо отъ костей. Вмѣстѣ съ семьей вы садитесь на полъ и ѣдите изъ одного котла. Положить себѣ отдѣльно на тарелку считается величайшимъ невѣжествомъ. За сдѣлавшаго такую неприличность не выйдетъ замужъ ни одна лапландская дѣвушка, если она только дорожить своей репутаціей. Это все равно, что отказаться отъ куска оленьяго сала — пойды, когда хозяинъ хочетъ положить его вамъ въ ротъ собственноручно, оказывая тѣмъ безграничное уваженіе къ гостю. Говорить во время обѣда—верхъ дерзости, а смѣяться—грѣхъ пе-

редь Богомъ. Можно только читать молитву. Считается весьма лестнымъ для хозяевъ въ отдаленныхъ уголкахъ Лапландіи, если гость икнетъ въ концѣ трапезы; повторить подобную благодарность—значить бесконечно обязать хозяина, а если гость нѣсколько разъ сдѣлаетъ это, то его сочтутъ человѣкомъ, получившимъ блестящее, аристократическое образованіе. Точно то же дѣлается, если хозяинъ предлагаетъ вамъ поѣсть еще чего-нибудь, а между тѣмъ вы вполне сыты. Крайне неприлично лишній разъ противъ другихъ опустить ложку въ уху или кормить собаку во время обѣда. Правила эти такъ наблюдаются, что лопарь не сядетъ ѣсть съ русскими промышленниками и даже кольскими купцами, искренно презирая ихъ за неблаговоспитанность. Послѣ обѣда, въ томъ-же самомъ котлѣ и даже немоя его, вамъ сварятъ чаю, если онъ только есть съ вами. Случается, что для вкуса въ это варево положить сала, а разъ даже мнѣ налили нерпичьей ворвани. По окончаніи трапезы васъ приглашаютъ въ часовню. Гости должны помолиться тамъ за счастливое прибытіе свое въ погость, хозяева поблагодарить Господа за то, что Онъ «благословилъ ихъ странникомъ».

Четырехугольный срубъ часовни только

острою кровлей да деревяннымъ позеленѣвшимъ крестомъ отличается отъ пырта. Часовни крыты на два ската досками или дерномъ. Внутри вся передняя стѣна заставлена иконами, передъ ними деревянные подсвѣчники, лампадки, увѣшанныя птичьими яйцами. Образа украшены лентами, полотенцами, платками, пеленами, мѣхами и хвостами животныхъ, бусами. Все это жертвуется передъ промысломъ и послѣ него, въ болѣзняхъ и несчастіяхъ. Лопари вообще религіозны. Относясь съ величайшимъ уваженіемъ къ священникамъ, они со строгою точностію исполняютъ всѣ религіозные обряды. Въ дѣлахъ церкви они очень требовательны. Былъ къ нимъ присланъ изъ Архангельска священникъ косноязычный. Лопари всполошились. Какъ служить молебны или паннихиды, ежели такъ неразборчиво произносить имена? Какъ святые различать, о комъ онъ просить? Другой заикался, и лопари серьезно спрашивали меня: имѣеть-ли силу служба, произнесенная такимъ образомъ, и пойметъ-ли ее Богъ? Вниманіе ихъ въ церкви такъ напряжено, что одинъ старикъ, читая мнѣ наизустъ цѣлыя мѣста изъ евангелія на славянскомъ языкѣ, не понималъ ихъ. Онъ не былъ грамотенъ и, сверхъ того, въ его погостѣ появлялся священникъ не болѣе девяти разъ въ

годъ. Когда лопарь хочетъ отомстить обидчику, онъ только отправляется въ часовню и просить Бога «разобрать ихъ дѣло». При переносѣ погоста съ одного мѣста на другое прежде всего сносятъ часовню, служится молебенъ съ водосвятиемъ и окропляютъ святою водою оленей и окрестности. Затѣмъ всякій везетъ уже свою тупу и свои амбарцы и ставятъ ихъ, куда попало. Лопари до того религіозны, что высшихъ начальниковъ считаютъ и духовными лицами. Губернаторъ называется большимъ попомъ, исправникъ — малымъ попомъ; царь, по ихъ понятію, всегда возсѣдаетъ на алтарѣ, на престолѣ, и творитъ тамъ чудеса. Часто священники на папертяхъ церквей находятъ убитаго оленя, грузъ рыбы или нѣсколько мѣховъ. Это — приношеніе на церковь, причемъ жертвователю пожелалъ остаться неизвѣстнымъ. Церкви въ Лапландіи — мѣста чрезвычайно уважаемыя. Лопарь приближается къ нимъ со страхомъ, говоритъ вполголоса. Если вамъ кажется, что лопарь васъ обманываетъ, заставьте его побожиться; впрочемъ, едва-ли и придется прибѣгать къ такой крайности. Честнѣе и добрѣе я не знаю народа. Я путешествовалъ между ними одинъ. Часто они считали меня погибшимъ, а между тѣмъ, возвращаясь назадъ, я заставалъ все свое иму-

щество и коллекціи цѣлыми. У меня не пропало и лоскутка. Несмотря на нѣжную привязанность лопарей къ рому, мои запасы оставались нетронутыми. Между лопарями нѣтъ воровъ и мошенниковъ. Уходя, лопарь не запираетъ свою вѣжу или тупу. Всѣ его сокровища открыты. Впрочемъ, войти и взять съѣстное не считается преступленіемъ. Лопарямъ мурманскіе промышленники поручаютъ караулить зимою свои становища. Часто одинъ такой номадъ живетъ среди полного безлюдья мѣсяцевъ шесть, семь, восемь—и, возвращаясь назадъ, поморы находятъ все цѣлымъ. Были примѣры, что лопари-сторожа умирали съ голоду, хотя въ скеяхъ у промышленниковъ лежала и мука, и рыба. Лопарь не поцеремонился-бы взять рыбу у своего, но онъ знаетъ, что это не принято у русскихъ, и не тронетъ чужихъ запасовъ. Лопари умирали, защищая становища отъ норвежскихъ пиратовъ, тогда какъ они могли-бы просто уступить силѣ и оставить ввѣренный имъ постъ. Я зналъ примѣры высокой честности между этими иностранцами. Василій Мошниковъ какъ-то нашель кошель съ деньгами. Онъ разорился самъ, объѣзжая погосты, побывалъ у терскихъ лопарей, и у финмановъ, и послѣ двухлѣтнихъ усилій и розысковъ нашель владѣльца этой суммы и

не взялъ ни гроша за это. Честность лопарей доходит до страннаго. Въ одномъ погостѣ мнѣ жаловались, что русскіе промышленники обижаютъ ихъ:

— Ровдуги берутъ, на глазахъ возьмутъ и унесутъ.

— Какже вы ихъ не остановите? Васъ много, а онъ одинъ, чего-же вы боитесь?

— Мы не боимся. А только какъ показать человѣку, что онъ воръ? Намъ стыдно!

Эта деликатность, эта мягкость такъ высоки, что довольно рассказаннаго для освѣщенія нравственнаго характера полярныхъ номадовъ. Случалось, что, охотясь въ горахъ, лопарь убьетъ чужого оленя, принявъ его за дикаго. Кругомъ пустыня, кто его видитъ? Скрыть можно. Нѣтъ, онъ розыщетъ владѣльца животнаго и, вмѣсто убитаго, отдастъ ему равноцѣннаго своего оленя. Одинъ лопарь, долго жившій между русскими, похитилъ-было мѣхъ у своего дяди. Тотъ привелъ его въ часовню и тамъ пожертвовалъ украденное на церковь. Послѣ этого несчастный долженъ былъ уйти, Господь его знаетъ куда. Совѣсть его мучила, и онъ бросилъ жену и дѣтей, и только спустя годъ его нашли уже мертвымъ въ какой-то дикой тущобѣ лапландскаго чернолѣсья. На рѣкѣ Пенна-эй я наткнулся на двухъ почти умирав-

шихъ съ голоду оленеводовъ. Они дошли до послѣдней степени истощенія. Мнѣ удалось поставить ихъ на ноги, и, представьте мое изумленіе, когда я узналъ, что несчастные несли за спиною муку въ погостъ, купленную на общественныя деньги. Отправляясь въ Лавозеро, я оставилъ деньги и вещи у Бархатова. По возвращеніи мнѣ сообщили, что въ погостѣ былъ староста и собралъ подати, что у моего хозяина за недоимокъ описали послѣднихъ его оленей,— тѣмъ не менѣе мои деньги были цѣлы! Только разъ случилось, что лумбовскіе лопари стрѣляли въ Норкина, но и тутъ, я полагаю, не было желанія ограбить русскаго купца, а просто жажда мести за цѣлый рядъ оскорбленій. И къ этимъ-то рыцарямъ чести мнѣ совѣтовали ѣхать вооруженнымъ, рекомендовали не довѣрять имъ ни въ чемъ и вообще выставляли ихъ образцами коварства и хитрости! Только разъ лопарь-проводникъ обратился ко мнѣ съ просьбою дать ему на водку. Но и онъ оказался долго жившимъ между русскими. Мягкое добродушное племя нужно видѣть въ семьѣ, у себя дома, чтобы искренно полюбить его. Впервыхъ, что такое семья лопари? Это не только его жена и дѣти, это всѣ его родные и близкіе знакомые. Въ Лапландіи я не встрѣчалъ людей, которые бы просили милостыню, хотя населеніе края

обнищало и разорилось чрезвычайно. Лопарь-пролетарій идетъ въ тупу своего родственника, живетъ въ ней, ѣсть и пьетъ вмѣстѣ съ его семьей, съ ней и работаетъ. Нѣтъ у него родныхъ—онъ отправляется къ знакомому и дѣлаетъ то же самое. При этомъ онъ не мѣняетъ жилья, а гдѣ поселился, тамъ и остается до конца жизни. Его не только не выгоняють, ему рады. Онъ желанный гость. Я зналъ семьи Лапландіи, у которыхъ въ тупахъ жило по семи, по восьми такихъ обнищавшихъ инородцевъ. Благодѣтелей человѣчества—современныхъ ростовщиковъ, здѣсь нѣтъ. Кредита тоже не встрѣчается. Есть мнѣ нужда—дадутъ, но не съ условіемъ возврата ссуды, а такъ, «по божецки», какъ выражаются лопари. Дѣти считаются здѣсь дѣйствительно благословіемъ Господнимъ. Я не видывалъ, чтобы лапландецъ когда-нибудь билъ своего ребенка; въ старости отецъ и мать такъ же любимы молодымъ поколѣніемъ. Имъ—лучшій кусокъ,—имъ первый почетъ. Эти ласковыя, почти идеальныя отношенія сильно поражали меня, видѣвшаго нашу крестьянскую семью. Сколько разъ я задавался вопросомъ: кто-же заслуживаетъ названіе дикаря, нашъ-ли крестьянинъ, калѣчащій жену и хуже Ирода избивающій своихъ дѣтей, или этотъ мирный и кроткій труженикъ полярныхъ пустынь? Въ

лопарской семьѣ драка неизвѣстна. Мужъ никогда не скажетъ женѣ суроваго слова, она ему тоже. Онъ даже не назоветъ ее по имени, а величаетъ чайкой, важенкой, вообще какимъ-нибудь ласкательнымъ прозвищемъ. Если лопарю дадутъ рома, онъ сначала позоветъ жену, поднесетъ ей половину, а остальную выпьетъ самъ. Лучшій кусокъ оленины—женѣ, ей-же пойдутъ и мозги въ костяхъ. Онъ питаетъ къ женѣ нелимѣрное уваженіе. Попадаетъ лопарь въ Колу—самъ откажется тамъ отъ угощенія, зато принесетъ его женѣ. Убійства въ семьѣ у Лапландцевъ не извѣстны. При этомъ бывають чрезвычайно странныя женитьбы: старикъ шестидесяти, семидесяти лѣтъ женится на дѣвочкѣ лѣтъ пятнадцати; мальчикъ лѣтъ пятнадцати женится на пятидесятилѣтней старухѣ—и ничего! Счастливы, любятъ другъ друга. Семейныя отношенія лопарей выяснились на первомъ же привалѣ. Слѣзная старуха-мать сидѣла на первомъ мѣстѣ. Къ ней обращались за совѣтомъ и цѣловали ее. Дѣти возились у ея ногъ. Красивая жена молодого лопаря, скатавъ лепешки, реску, и приготовивъ обѣдъ, присѣла къ своему мужу. Лопари, даже отлично говорящіе по-русски, никогда не скажутъ про свою жену «она», а «онъ», не «та», а «тоть». «Моя жонка ушелъ на промысль. Спроси моя жонка—

тотъ знаетъ». Лопари любятъ, чтобы ихъ жены были хорошо и чисто одѣты, хотя на собственный костюмъ не обращаютъ никакого вниманія.

Около вѣжъ и тупъ строятъ они шалаши изъ хворосту—это ихъ спальни.

Я видѣлъ лопаря, плакавшаго надъ могилою своего грудного ребенка черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти. Лопарки часто умираютъ отъ тоски, потерявъ дѣтей; еще чаще онѣ не переживаютъ мужа. Въ Кодовскихъ горахъ я нашелъ оставленную вѣжу, гдѣ еще жила лопарка, несмотря на то, что весь погостъ перебрался версть за сто отсюда. Она, какъ оказалось, недавно овдовѣла и не хотѣла слѣдовать за другими, оставшись умирать тамъ, гдѣ была такъ счастлива съ мужемъ. Если лопари приходятъ къ кольскому купцу или кандалакшанину, то они сначала поклонятся его женѣ, а потомъ уже ему. Говоря съ нимъ, они глядятъ на его жену и отвѣчаютъ ей, хотя бы вопросъ былъ предложенъ мужемъ. Русскія женщины побѣдише съ удовольствіемъ идутъ замужъ за богатаго лопаря. Онъ въ такомъ случаѣ остается жить въ селѣ, а не уходитъ въ свои горы. На Кольскомъ полуостровѣ случается и такъ, что первый разъ женщина выходитъ замужъ за корела, овдовѣть, повѣн-

чается съ русскимъ и, овдовѣвъ уже вторично, на склонѣ дней своихъ идетъ за лопаря. За то примѣровъ, чтобы лопарка вышла за русскаго, не бываетъ вовсе. Повторяемъ, что мы рисуемъ не идиллію, а дѣйствительность.

Лопари между собою почти никогда не ссорятся. А если случится такой грѣхъ — идутъ разбираться на суйму. Суйма—это нашъ мірской сходъ, малороссійская громада. Лапландцы чрезвычайно любятъ свой парламентъ. Сберутся всѣ въ чистыхъ платьяхъ, начнутъ тихо, но потомъ голоса ораторовъ становятся все громче и громче, страсти возбуждаются, опредѣляются партіи. Всѣ начинаютъ говорить въ одно и то-же время—и странно, что всѣ понимаютъ другъ друга. Лица краснѣютъ, одни вытягиваются вверхъ, другіе присѣдаютъ, всѣ размахиваютъ руками, горячатся — и моментально, какъ-то вдругъ, стихнуть. Ссорящихся въ большинствѣ случаевъ заставляютъ мириться. Суймы собираются при всѣхъ удобныхъ случаяхъ: нужно ли идти на охоту, отправляться ли на весенній промыселъ, платить подать, посылать ходоковъ въ Колу, зарѣжутъ ли волки оленей, похитить ли лисица оленину изъ амбара, пріѣдетъ ли священникъ, собирается ли куда-нибудь райда—суйма непременно сдѣлаетъ свое дѣло. На ея рѣшенія

нѣтъ аппеляціи. они исполняются свято и ненарушимо.

Но не забывайте, что вы все еще въ часовнѣ, гдѣ ваши хозяева навѣрно усерднѣе васъ молятся за благополучный путь вашъ. Выходя отсюда, они зажгутъ лампадку, гдѣ за недостаткомъ деревяннаго масла теплится олений жиръ. На возвратномъ пути вы еще пристальнѣе вглядываетесь въ обстановку лопарскаго погоста и тутъ же выступаютъ передъ вами странные амбарушки на двухъ столбахъ, выстроенные изъ мелкаго лѣса. Вверху у нихъ все имущество, внизу, въ загородкѣ, овцы. Всю зиму овцы ходятъ по улицѣ и только на ночь загоняются въ амбаръ. Въ лѣсныхъ трущобахъ, въ горной глуши, въ тайникахъ также понастроены лапландскіе амбарушки или для сбереженія охотничьей добычи, или для храненія важныхъ указовъ и документовъ на право владѣнія родовыми угодьями. Объ этомъ, впрочемъ, будетъ сказано потомъ, когда я перейду къ повѣрьямъ и преданіямъ лопарей. Въ лапландскомъ поселкѣ нѣтъ ни овиновъ, ни гуменъ, ни бань. Лѣтомъ моются въ рѣкахъ и озерахъ, а зимою въ пыртахъ у комелька, завшиваясь припономъ.

IX.

Олени и райда.

Утромъ не успѣли еще вы проснуться—все становище уже на ногахъ. Съ вечера васъ предупредили, что погость завтра, въ Георгіевъ день, собираетъ райду, поѣздъ. За тупами слышны лай собакъ, крики лопарей, бляенье овецъ.

— Вставай, молись Богу!—подымаетъ васъ хозяинъ.

Вокругъ лопаря на свистъ сбѣжалось десятка два небольшихъ остроухихъ собаченокъ. Вмѣстѣ съ ними вы всходите на вершину ближайшаго холма. Еще рѣзкій свистъ—и собаченки моментально разсыпаются во всѣ стороны, исчезая за пригорками... Долго еще слышится отовсюду ихъ лай, становясь все глуше и глуше.

— Сейчасъ вся семья моя будетъ.

— А велика ли она у тебя?

— Много было, да прошлое лѣто съ половиною волки зарѣзали. Разоряютъ насъ они онѣ.

Вотъ издали слышится гуль, мало-по-малу переходящій въ топотъ, словно тысячи маленькихъ копытъ отбиваютъ дробь по затвердѣвшему снѣгу. Звуки становятся громче, оглушительнѣе. Между ними рѣзко вырывается хриплый лай.. Всѣ эти тысячи сбѣжавшихся животныхъ смотрятъ прямо въ лицо своему господину. Наконецъ, между холмами показываются вѣтвистые рога и скоро вся окрестность почернѣетъ подъ сплошнымъ оленьимъ стадомъ. Олени почти сплетаются рогами отъ тѣсноты. Издали кажется, что безлистный кустарникъ колеблется въ воздухѣ. Слышится только однообразный стукъ однихъ роговъ о другіе. Собаченки оцѣпили стадо кругомъ, повизгивая время отъ времени. Въ эту массу некуда упасть камню. На шевельнувшася оленья кидаются собаки и кусаютъ его. Издали вамъ показалось бы, что вѣтеръ бродитъ въ чащѣ густого чернолѣся, ломая сухія вѣтви.

— Вотъ моя нива!—гордо указываетъ на стадо словно переродившійся лопарь.

Оттѣснивъ переднихъ оленей, онъ вошелъ въ эту живую массу и выбралъ пять сильныхъ животныхъ; спутавъ имъ рога, онъ громко свистнулъ—и всѣ остальные моментально ринулись назадъ въ тундру. Окрестности опять стали пустынно.—Что же ты не ведешь ихъ?

спрашиваете вы у хозяина, изумясь тому, что онъ бросилъ отдѣленныхъ отъ стада оленей.— А у меня ямщики есть.— Дѣйствительно собаченки, оцѣпивъ оленей, погнали ихъ прямо въ погость, не позволяя рассыпаться по сторонамъ и отставать... Райда изъ погоста должна была вступить въ полдень. Пока лопари собираютъ все необходимое для дальняго пути, лопарки осматриваютъ маленькія санки-кережки и хигны (сыромятныя возжи). Воспользуемся этимъ и обратимъ вниманіе на животное, безъ котораго лопарь не могъ бы существовать на дальнемъ сѣверѣ. Олени приобрѣтаются лопарями или отъ приплода въ стадахъ, или отъ охоты. Въ послѣднемъ случаѣ, захвативъ дикаго и неукротимаго оленя, лопарь привязываетъ его къ дереву и нѣсколько дней не даетъ ему ѣсть. Потомъ истощенному животному охотникъ приноситъ пищу—и оно уже укрощено, начинаетъ ласкаться къ человѣку, не отходить отъ него. Спустя три или четыре дня на немъ выжигаютъ тавро и пускаютъ его въ стадо. Лопарскіе олени крупнѣе и сильнѣе самоѣдскихъ. Въ то время, какъ самоѣды въ свою норту запрягаютъ трехъ-четыреохъ оленей, лапландецъ запрягаетъ въ кережку одного. Такіе олени дѣлаютъ въ день отъ 50 до 70 верстъ, почти не отдыхая. Охоты на дикихъ оленей въ

Лапландіи годъ-отъ-году уменьшаются; животныхъ стало мало, вслѣдствіе того, что много развелось волковъ. Тѣмъ не менѣе и теперь около Лавозера, напр., каждый промышленникъ убьетъ отъ 10 до 15 оленей. А еще недавно, въ сороковыхъ годахъ, въ такъ-называемыхъ оленьихъ горахъ было столько дикихъ оленей, что не особенно искусный промышленникъ билъ ихъ до 150 въ годъ. Въ 20-хъ годахъ водились здѣсь еще бобры, теперь нѣтъ ни единого; теперь уменьшается даже число росомахъ и лисицъ. Водятся дикіе олени теперь въ Хибинахъ, на Чуна и Мончъ-тундрахъ, въ Кодовскихъ горахъ и близъ Лавозера. Пока молодой лапландецъ не убьетъ дикаго оленя, за него не выйдетъ замужъ ни одна дѣвушка. Невѣстѣ онъ долженъ непременно принести рога этого животнаго. Охоты на оленей дѣлаются или въ одиночку, или облавой. Въ первомъ случаѣ лопарь съ дряннымъ кремневымъ ружьемъ, покупаемымъ въ Канда-лакшѣ, нѣсколько дней царапается и лѣпится по горамъ, то утопая въ снѣговыхъ безднахъ, то на вершинахъ чуть не замерзая отъ мороза. Наконецъ, издали ему удастся разглядѣть нѣсколько черныхъ точекъ. Къ нимъ нужно подойти такъ, чтобы вѣтеръ былъ отъ нихъ. Иначе олени и за двѣ, за три версты не допустятъ

къ себѣ человѣка. Часто въ то время, когда усилія человѣка почти готовы увѣнчаться успѣхомъ, олени перемѣняютъ мѣсто и переходятъ на другое. Промышленникъ, оставаясь безъ пищи, ползаетъ за ними цѣлый день, пока не улучить момента, удобнаго для того, чтобы пустить пулю въ лобъ передовому животному. Если убита самка, дѣти берутся живыми и пріобщаются къ стаду охотника. Но иногда и при удачѣ охота оканчивается неудачно. Только что добыча свѣжевана, счастливый лопарь уже предвкушаетъ наслажденіе обильнаго пиршества въ погостѣ, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ являются на запахъ крови волки головъ во сто, и радъ еще охотникъ, если ему самому удастся ускользнуть отъ нихъ на лыжахъ. Случается, что преслѣдователь обращается въ преслѣдуемаго, выбивается изъ силъ и падаетъ, разрываемый на тысячи кусковъ остервенѣвшей волчьей стаей... Гораздо лучше, если лопарь охотится на оленя съ собакой: та его выручитъ чутьемъ отъ грозящей бѣды. Лапландская собака чуетъ дикаго оленя за десять верстъ и ведетъ прямо на него. При приближеніи къ стаду собакъ завязываютъ глаза, иначе она распугаетъ животныхъ и угонитъ ихъ дальше. Часто на охоту лопарь беретъ домашняго, прирученнаго оленя-самку. Я охотился на дикихъ

олений лѣтомъ въ горахъ. Приходилось взбираться на самыя вершины и поближе къ морю, куда животныя эти уходятъ весною и остаются до глубокой осени, спасаясь отъ комаровъ. Часто мнѣ приходилось видѣть, какъ стая оленей стоитъ въ озерѣ, такъ что надъ водою остаются только рога ихъ да ноздри. Всякій разъ оказывалось, что животныя загнаны туда комарами. Впрочемъ, нужно имѣть очень крѣпкіе нервы, чтобъ убить это смиренное и беззащитное животное. Я попробовалъ разъ, да и закаялся. Сверху мы оглушили оленей выстрѣлами и загнали ихъ на выступъ скалы, гдѣ одинъ тотчасъ же былъ смертельно раненъ. Когда мы сбѣжали внизъ, умирающій, не двигаясь, лежалъ на краю утеса, окидывая окрестности взглядами воспаленныхъ глазъ. Воронъ близко-близко носился надъ нимъ, словно выжидая, когда умирающему можно будетъ выклевать его грустные, кроткіе глаза. Когда мы подошли къ нему, онъ попробовалъ было приподняться, но тотчасъ же упалъ, поскребывая копытцами землю. Только красивая голова его повернулась къ охотнику. Я никогда не забуду это словно умоляющее лицо, этотъ почти человѣческій взглядъ. Послѣ того во всѣхъ остальныхъ охотахъ я оставилъ себѣ въ обязанность стрѣлять раньше на воздухъ, чтобы рас-

пугать стадо, чтобы оно ушло цѣло, такъ что въ концѣ концовъ лопари перестали звать меня на охоты. Ловятъ оленей и облавами подѣ весну, сгоняя ихъ на плесы. Часто цѣлое стадо попадаетъ, такимъ образомъ, въ средину замерзшаго озера и одно за другимъ животныя гибнутъ подѣ вѣрными пулями промышленниковъ. Иногда подтаявшій ледъ проваливается подѣ оленями и уцѣлѣвшіе отъ пуль гибнутъ въ водѣ, затягивающей ихъ въ свои бездонные омуты. Часто и люди кончаютъ тѣмъ же. Стада у лопарей были нѣкогда чрезвычайно многочисленны. Имѣть тысячь десять оленей не считалось особеннымъ богатствомъ. Теперь въ Лапландіи считается Ротшильдомъ, напримѣръ, Василій Логиновъ, лопарь кильдинскаго погоста, владѣющій семью стами оленей. А такіе, какъ Бархатовъ изъ Монсельги, у котораго оленей тысячь до восьми,—играетъ роль Креза. Каждый домашній олень носить тавро—какой-нибудь опредѣленный знакъ. Лопари различаютъ этихъ животныхъ по возрастамъ: вуазыть—теленокъ на первомъ году, орель или урось—на второмъ году, вуйресъ или убрасъ—на третьемъ, кундасъ или кондасъ—на четвертомъ. Съ пятого года уже олень-самецъ называется быкомъ, а самка—важенкой. «Гордъ какъ быкъ, красивъ какъ быкъ, статень какъ быкъ», эти

пословицы лопарскія доказываютъ, что олень-самецъ въ глазахъ этого недалекаго племени совмѣщаетъ въ себѣ всѣ привлекательныя качества и служить для него идеаломъ красоты. Самое большое олень поднимаетъ 200 ф. Керезка обыкновенно вѣситъ не больше двадцати фунтовъ. Болѣе грузныя кладя обыкновенно стоятъ жизни оленю. По этому поводу, между прочимъ, рассказываютъ слѣдующій фактъ: норвежскіе лопари какъ-то подали королю всеподданнѣйшее прошеніе, объяснивъ въ немъ, что фохтъ ихъ человекъ прекрасный, доступный, справедливый, они умоляли его величество только объ одномъ: приказать похудѣть фохту, потому что, вѣся пуда четыре слишкомъ, онъ уже стоитъ жизни нѣсколькимъ оленямъ. Просьба была разсмотрѣна въ королевскомъ совѣтѣ и на эту должность назначенъ самый тощій изъ кандидатовъ въ фохты. Оленю нужно очень немного. На ночлегъ онъ выбѣетъ себѣ нѣсколько мху изъ-подъ обледенѣвшей коры, во время бѣга прихватитъ языкомъ немного снѣгу—и ему довольно. За то лѣтомъ у морскаго берега олени отъѣдаются и къ осени становятся сильными. Норвежскіе лопари иначе устроили свое оленеводство. Горный лапландецъ постоянно находится при стадѣ. Ночь онъ на стражѣ. Днемъ дѣти его находятся между

оленьями. Каждая четверть часа сторожъ обходитъ стадо, сгоняетъ оленей при помощи собакъ, кричитъ, стрѣляетъ. Но не успѣетъ улечься отдохнуть въ свою нору подъ снѣгомъ, какъ въ стадѣ поднимается переполохъ. Собаки будятъ пастуха. Олени, сбѣжавшіеся было въ плотную массу, теряются, выскакиваютъ поодиначкѣ и бѣгаютъ кругомъ въ смятеніи изъ стороны въ сторону. Почувявъ же хищное животное, они кидаются бѣжать шальными скачками, большею частію противъ вѣтра. Волки преслѣдуютъ оленей по пятамъ и часто по двое накидываются на одно животное. Сторожа тоже разбѣгаются. Одинъ несется съ собаками къ стаду, другой на лыжахъ мчится къ хижинѣ, сзывая семью. Оставшіеся употребляютъ всѣ усилія, чтобы собрать стадо и поймать волковъ. Хотя лапландскія собаки и очень малы, но иногда онѣ могутъ состязаться съ волками и медвѣдями. Есть порода безхвостыхъ собакъ, особенно хорошо справляющихся съ волками. Эти преслѣдуютъ хищника, кусая его сзади и оббѣгая его, когда онъ повернется, такъ что волкъ, спина котораго не отличается гибкостью, долженъ безпрестанно поворачиваться и, наконецъ, утомляясь, дѣлается добычею собакъ. Такая собака цѣнится до 25 тал., по свидѣтельству Фрйса.

Но погостъ уже весь собрался. Сходили въ часовню, притворили тупы—и спустя минуту по горамъ уже тянется райда. Это нескончаемая вереница саней-кережокъ по одному оленю въ каждой. На этихъ санкахъ сидятъ лопарки. Часто въ одной кережкѣ скучивается нѣсколько дѣтскихъ головокъ. Позади стадо оленей съ вьюками, гдѣ все имущество перебирающихся на лѣтнее время номадовъ. По бокамъ бредутъ взрослые мужчины, весело разговаривая и перекрикиваясь. Иногда такая райда растянется версты на двѣ, замыкаемая громаднымъ стадомъ домашнихъ оленей и овецъ. Вокругъ всего этого кочевья съ громкимъ лаемъ слѣдуютъ конвойныя собаченки, зорко слѣдя за цѣлостью и скученностью стада. Бываютъ райды и другого рода. Лопарь отправляется изъ погоста въ погостъ въ гости. Олени то вязнутъ въ рыхлыхъ снѣгахъ ущелій, то быстро, словно вихрь, пролетаютъ обледенѣлые горные скаты. Часто ничто не останавливаетъ на себѣ взора. На снѣгахъ ни слѣда, только по рѣдкимъ березовымъ перелѣскамъ опась, т. е. лопарь, вѣдущій впереди, опредѣляетъ положеніе райды днемъ и по звѣздамъ ночью. Часто и внимательно онъ оглядываетъ окрестности, замѣчая направленіе вѣтвей на кустахъ, слѣды россомахъ и лисицъ на снѣгу. Ему служить указаніемъ и

то, съ какой стороны камень обросъ мхомъ. По временамъ, останавливая райду, онъ ложится на снѣгъ и къ чему-то прислушивается. За нимъ гремятъ пѣсни и громкое выкрикиваніе райды. Остальные поѣзжане уже не обращаютъ вниманія на дорогу—это дѣло опасна. Черезъ каждыя сорокъ верстъ райда останавливается. Лопари до безумія любятъ райду. Какъ и суйма, она имъ служитъ развлеченіемъ среди однообразія полярной зимы.

Олени служатъ иногда и перевозчиками на лапландскихъ рѣкахъ. Кого-то черезъ Тириберку перевозили на лодкѣ, которую тащили четыре оленя по горло въ водѣ. Плаваніе было чрезвычайно оригинальное. Это, впрочемъ, случилось потому, что часть рѣки была еще подолдомъ, такъ что олени исполняли двойную службу—и гребцовъ, и лошадей. Случается, что райда въѣдетъ въ сплошной сугробъ снѣга и моментально прорѣзываетъ его насквозь. На крутыхъ спускахъ олени выпрягаются и хигнами привязываются позади кережокъ. Лопари уже на санкахъ сами съѣзжаютъ внизъ съ необычайной быстротой, хотя позади олень, упираясь въ снѣгъ, задерживаетъ нѣсколько этотъ спускъ.

По мѣрѣ того, какъ райда забирается далѣе на югъ, снѣга становятся рыхлѣе и за пер-

вымъ переваломъ черезъ горы лопарей встрѣчаетъ уже полярная весна. Повсюду торчатъ обтаявшія скалы. Водопады и пороги гремятъ. У рѣчекъ образовались забереги и полыньи. Ёхать становится труднѣе и труднѣе. Опасу нужна вся его осторожность и предусмотрительность. Куда же и зачѣмъ мчится райда, оставивъ свой погостъ?

Часть весны, лѣто и часть осени лопарь живетъ рыбнымъ ловомъ. Лапландія вся подѣлена между различными родами, погостами. Такъ, на примѣръ, Волчьи горы принадлежатъ масельгскимъ лопарямъ и никто, кромѣ ихъ, тамъ охотиться не имѣетъ права. Хибины принадлежатъ экъ-островскимъ; Мончскія горы — зашеечнымъ лопарямъ. Такъ же подѣлено и все остальное. Въ чужомъ надѣлѣ ни промышлять, ни жить нельзя. Они свято блюдутъ этотъ обычай, рѣшая всѣ споры между собою суймами. Каждый родовой надѣлъ, въ свою очередь, распредѣляется по семьямъ, но горы считаются принадлежащими всему роду, дѣлятся только озера и рѣки. Преимущественно, на семью приходится одно озеро или одна рѣка, на берегахъ ихъ четыре или пять мѣсяцевъ живетъ она среди полнѣйшаго безлюдья, не видя никого чужого. Большія семьи владѣютъ и большими озерами, меньшія — меньшими. Въ извѣст-

ныя времена суйма собирается и производит передѣлъ, такъ что лопарская семья уже не является собственницею на озеро или рѣку. Въ случаѣ споровъ между семьями суйма рѣшаетъ владѣть озеромъ попеременно: одной два года и другой два, чередуясь. Пререканій между ними не бываетъ. До начальства жалобъ не доходитъ никакихъ. Такъ же подѣлены между лопарями и лѣсныя ухожья, луга и долины. Луга они часто отдають въ кортому колянамъ, мѣря ихъ на корову. Часть луга на корову считается—въ діаметрѣ полу-верста.

Х.

Лопарь лѣтомъ.

Наша райда и отправилась именно въ лѣтнія жилья, на берега озеръ и рѣкъ. Дойдя до опредѣленнаго пункта, всѣ остановились. Собралась суйма. Погорланили и рѣшили, кому куда. Кто уйдетъ на лѣтовища до августа, кто къ морю до Ильина дня, чтобы потомъ перейти на тѣ же лѣтовища. Съ августа положено уходить на осеннія ухожья—промышлять куницъ, лисицъ, выдру, росомаху и медвѣдя... Черезъ часъ послѣ того, какъ разошлась суйма, райда рассыпалась. Одни взяли на сѣверъ къ морю, другіе на югъ къ озерамъ. Всякая семья отправилась въ одиночку, благо дорога цѣлиной идетъ. Ребятишки заливались громкимъ хохотомъ, собаки повизгивали. Было вообще шумно.

Послѣдуемъ за одной изъ этихъ семей.

Спустя день или два, она прибудетъ на берегъ озера, до половины еще окованнаго льдомъ. Отдыхать тутъ некогда; нужно разомъ прини-

маться за дѣло: отыскать старую вѣжу, поправить ее, какъ приведется, да высушить сѣти и мережи.

Какъ тупа зимнее жильё лопаря, такъ вѣжа—лѣтнее домовище его. Прежде онъ не зналъ другого жилища и только съ приходомъ русскихъ сталъ строить бревенчатые срубы. Вѣжа—просто шатеръ изъ жердей, крытый дерномъ. Часто лѣтомъ вся она покрывается травою и издали кажется невысокимъ зеленымъ холмикомъ. Въ вѣжахъ лопари, уходя куда-нибудь, непременно оставляютъ рыбу, немного хлѣба и соль. Мы часто заходили въ пустыя вѣжи, гдѣ были тѣмъ не менѣе иконы, утварь, мѣдные котлы. Оказывалось, что хозяева ушли на другое озеро, въ полной увѣренности, что ихъ драгоценности будутъ цѣлы. Полъ вѣжи устилается березовыми вѣниками. Прямо противъ двери всегда деревянный, на деревянныхъ петляхъ, помѣщается очагъ посрединѣ жилья. За очагомъ перпендикулярно къ стѣнѣ идутъ два бревна, между которыми находится мѣсто для семейныхъ сокровищъ и утвари. Для этого же у задней стѣны придѣлываютъ полочки. На нихъ—иконы и что подрагоцѣннѣе: глиняная посуда, суздальскія картинки, стекло, зеркало. Вдоль задней стѣны тянется жердь, на которую развѣшиваютъ: вареги, обувь,

платье. Все въ вѣжѣ имѣеть свое мѣсто, все строго распредѣлено. Направо отъ очага ложатся мужчины, налѣво—женщины. У дверей, внѣ вѣжи, привязываются къ колышкамъ собаки, иначе онѣ растаскали бы всю рыбу изъ ямъ, гдѣ ее вялятъ лопари.

Какъ только семья пріѣхала на весенній промыселъ, оленей выпускають. За стадомъ слѣдить собака и замѣчаетъ, куда дѣваются животныя, какую тундру они выбираютъ для пастбища. Да и сами олени не уйдутъ далеко. Если стадо очень велико—при немъ два или три мальчугана. Бараны остаются около вѣжи. Они помѣщаются на ночь съ хозяевами или имъ строятъ особенный амбарчикъ.

Лѣто для лопаря лучшая пора. Съ вечера жена его или дочь забросить сѣти въ воду, поставить мережи; утромъ выплываетъ за ними на самодѣльномъ челнокѣ и иногда вытащить пудовъ съ пять добычи. Выбросивъ мелкую рыбу обратно, лопарь остальную, не жалѣя, бросаетъ въ котель, иногда пудъ, два, три сряду. Куда же ее дѣвать иначе? Будь соль, онъ бы заготовилъ ее на-долго, но цѣна на соль стоитъ высокая, копеекъ по 5 фунтъ, да и то не достанешь. Такъ что лѣтняго улова лопари вовсе не цѣнять. Сварятъ, съѣдятъ, что могутъ,—остальное собакамъ. Тутъ попадаютъ

аршинные сиги, жирные кунжи, форели, харіусы, щуки, крупные окуни и большіе налимы. Плывя въ лодкѣ по такому озеру, лопарь видитъ все до дна. При этомъ нужно замѣтить, что лапландская рыба необыкновенно вкусна. Мѣстный сигъ гораздо вкуснѣе невскаго сига. За недостаткомъ соли рыбу солятъ древесною золой, но приготовленная такимъ образомъ, она полуразлагается, принимаетъ красный цвѣтъ и невыносимый запахъ. За то осенью, когда настанутъ холодá, лопари потребляютъ рыбу умѣренно, а весь излишекъ замораживаютъ и сбываютъ купцамъ въ Кандалакшу, откуда ее везутъ въ Шунгу на ярмарку. При этомъ за пудъ хорошихъ сиговъ лопарь получаетъ 50 коп., а въ Шунгѣ кулакъ-кандалакшанинъ получаетъ за него до 4 р.; такъ и со всею остальною рыбой...

Солнце только-что встало... По озеру, въ заводьяхъ, поднялся гомонъ проснувшихся гагаръ, гусей, утокъ, лебедей. Въ береговой чащѣ звонко перекликаются тетерева, бѣлая куропатки, рябчики, кривцы и порхалицы. Нѣсколько чаекъ уже взмыло въ ясную, безоблачную синь... Съ озера потянулся туманъ и все выше и выше ползетъ по берегу, цѣпляясь за сѣрыя скалы и свертываясь въ узкія раскидистыя тучки.

Едва замѣтна на выступѣ песчанаго мыса

темная вѣжа—это единственное жильё среди полнѣйшаго безлюдья версть на двадцать въ радіусѣ. Птичій гомонъ разбудилъ собачонку, привязанную къ колышку. Рвется она и мечется, оглашая окрестности громкимъ лаемъ и унылымъ жалобнымъ взвизгиваньемъ... Проснулись и въ вѣжѣ. Немного отворилась дверь, какъ-то бокомъ выползла оттуда простоволосая лапландка въ своей юпѣ, зѣвнула на солнце, лѣнливо оглянула окрестности и присѣла тутъ-же, глядя на отраженіе громадной шиферной скалы и крупнаго, матераго оленя, пробирающагося на противоположномъ берегу сквозь чащу березовыхъ порослей... Выползли и еще люди... Чешутся, бессмысленно оглядываются... А собаченка такъ и рвется къ нимъ, такъ и разливаётся ласковымъ тьявканьемъ. Одинъ лопарь бултыхъ въ воду, за нимъ другой, третій... Пополоскались и вышли назадъ. Съ юпъ течетъ вода, что жъ изъ этого—солнце обсушить. Пожилая лопарка съ дочерью спустили на воду лодку и поплыли вытаскивать сѣти. Другая дочь набросала дровъ и валежнику. Пока вернулся челнокъ, на берегу уже трещаль и разгорался костерь. Вода вскипала въ котлѣ...

Сѣти вытащены. Рыба покрупнѣй отобрана. Лопарь вспороль ее, выбросилъ внутренности и, не очищая кожи, бросилъ нѣсколько щукъ,

хариусовъ да крупную, желтовато-розовую конжу въ котель. Старуха-лопарка взяла сиговъ, посадила ихъ на полочкѣ къ огню обжаривать въ собственномъ соку. Семья собралась... молчаніе... никто ни слова, только позѣвываютъ—да и говорить лѣнь.

Поѣли, остатки бросили собакамъ. Двое юношей отправились въ лѣсъ и въ горы осматривать силки. Третій съ ружьемъ ушелъ на тундру—не встрѣтится ли олень, росомаха, выдра, лисица или горностаи. Остальные легли спать. Соберутся къ обѣду, опять вытянуть сѣть, сварятъ уху—и опять спать. Подъ вечеръ дѣвушки начнутъ заготавливать домашнюю утварь изъ бересты, разрисовывая ее узорами... А тамъ ночь и снова до утра. Такъ и все лѣто... Лицомъ къ лицу съ природой, то на охотѣ, то на отдыхѣ, лопарь оправляется отъ зимней голодовки, отъѣдается, отъѣдаются и тощія собаки. Тѣ лопари, что ушли на морской берегъ, тоже жуируютъ по-своему. Выбросятъ промышленники тресковые внутренности или головы—лопари подберутъ на уху. А то участвуютъ въ промыслѣ вмѣстѣ съ русскими, только получаютъ половинную долю противъ нихъ, работая чуть не больше русскихъ. Но къ Петрову дню уже и эти уходятъ на свои лѣтовища.

Лѣтомъ, такимъ образомъ, лопарь ведетъ

счастливую жизнь дикаря, которому можно ѣсть до отвала и спать сколько угодно. Бываютъ и своего рода развлеченія въ это время. Наѣдетъ кто-нибудь. Тогда всю ночь около вѣжи горятъ костры. Вокругъ, подъ трескъ и шипѣніе пылающихъ сучьевъ, бесѣдуютъ лопари про старое время, когда лучше жилось этому мирному сѣверному номаду, когда всего было вдоволь: и рыбы, и птицы, и звѣря,—такого звѣря, какого теперь и на свѣтѣ нѣтъ. Богатъ былъ лопарь и не кланялся русскимъ. Они сами приходили чествовать его. Много у него было угодьевъ разныхъ, дикіе олени кишмя кишѣли на варакахъ. Медвѣдей сотнями били. Теперь все пропало, лопарь обнищаль и сталъ батракомъ у русскаго. И дѣвушки лопарскія въ старину вольнѣй были, что на нихъ жемчугу, серебра да украшеній разныхъ болталось. Объ водкѣ въ ту счастливую пору лопари и не слыхивали! Окончутся рассказы о старинѣ, начнутъ собесѣдники передавать свои приключенія на охотѣ. Одинъ лопарь посреди плеса по горло въ водѣ сидѣлъ почти сутки, другой упалъ въ пропасть, да три дня какъ пласть оставался тамъ, пока не отлежался. Третій провелъ ночь въ пещерѣ съ медвѣдями. Четвертый на Хибинахъ чуть не умеръ съ голоду, пятаго змѣи въ сонгельскомъ чернолѣсѣ

преслѣдовали. Шестой забрался было къ финанамъ, на норвежскую границу, да и жизни не радъ сталъ—чуть его не убили...

Слушатели только покачиваютъ головами въ тактъ, неотступно глядя въ пламя. А ночь безъ свѣта и безъ тьмы, бѣлесоватая, окутываетъ туманомъ сырыя понизья... И долго длится бесѣда. Уже вершины горъ охватываетъ алый отблескъ, уже дичь проснулась, въ заводьяхъ уже гдѣ-то далеко-далеко слышится ревъ медвѣдя, съ высоты доносится хищный клекоть орла, а костеръ все еще трещить и пылаетъ...

Наконецъ, одинъ, воодушевленный бесѣдой, зажмуриваетъ глаза и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, начинаетъ монотонную импровизацію. Поетъ онъ про все: о чемъ слышалъ, что видѣлъ. Дѣвушка сидитъ передъ нимъ—о ней поетъ, охотникъ—объ его промыслѣ. Оленей увидитъ, начинаетъ рассказывать, какъ дикое животное живетъ на варакахъ, какъ оно хоронится на ягелевыхъ вершинахъ отъ волка и медвѣдя... Нѣтъ никого, а пѣть хочется, запоетъ о себѣ, какой онъ ловкій и хорошій лопарь, какъ ему хорошо живется здѣсь у озера, какъ весело сидѣть у пылающаго костра, какой уловъ послалъ ему Богъ за это лѣто...

ХІ.

Осень въ Лапландіи.

Но вотъ дни все короче, ночи стали темнѣть. Иногда уже пахнетъ и холодкомъ въ ясные утреннички... Зори—алѣе; рѣзче выступаютъ изъ мрака охваченные ихъ багрянцемъ гребни и вершины горъ. На скатахъ, гдѣ повыше, березнякъ слегка подернуло желтизною... Только слегка... однѣ каймы листьевъ. По ночамъ туманы гуще, да и комаровъ стало меньше, замѣнъ появилась мошкара... Воздухъ днемъ становится еще прозрачнѣе. Съ варакъ на десятки верстъ кругомъ видно, да и черезъ озеро перекликаться можно, хорошо услышишь другъ друга. Костры уже зажигаются по ночамъ не для одной потѣхи, а такъ, чтобы волки не подбирались къ варакамъ, чтобы медвѣдь не забрался въ вѣжу... И это вѣдь бываетъ... Осени еще и нѣтъ, но она уже предчувствуется и въ алыхъ колерахъ неба, и въ тучкахъ, словно повисшихъ у полугоры, и въ туманахъ, что подъ утро стелются надъ сочными понижьями.

Наконецъ, наступаетъ августъ. Пора и за осенній промыселъ.

Кому нужно заготовить рыбы для продажи въ Кандалакшу, для Шунги, тотъ еще остается на озерахъ ожидать холодовъ, остальные уходятъ въ горы. Ружье за плечи, лыжи про запасъ, побольше пороху, и съ Богомъ. Провизія берется дней на десять, да и къ чему: охота даетъ, что нужно. Тутъ уже лопари ходятъ по одиночкѣ, развѣ собаку возьмутъ. Что не встрѣтитъ промышленникъ—все ему ладно. Оленя ли, волка, медвѣдя... Иногда народъ пропадаетъ здѣсь, а выгоды самыя незначительныя. Былъ промыселъ удаченъ—только, только-что подати заплатишь, остальное все Кандалакша выжметъ. Одичаетъ лопарь за это время, такъ что и отъ голоса человѣческаго отвыкаетъ. Встрѣтятся два охотника, только присядутъ одинъ противъ другого, да глядятъ въ глаза, и ни слова. Дико имъ собственный голосъ услышать. Бываетъ, такъ и разойдутся. И чутокъ же и внимателенъ лопарь въ это время. Малѣйшій слѣдъ на пескѣ, взрытый торфъ, обмятый мохъ, клокъ шерсти, оглоданная трава, все ему въ примѣту, все ему кажется путь. Ночью по звѣздамъ, днемъ чуть ни ползкомъ, приглядываясь къ землѣ... Уходятъ отъ него олени на вершины горъ въ глетчеры,

гдѣ иногда лопарь только вздернетъ лыжи, да и мчится вихремъ по снѣговымъ гладямъ, преслѣдуя добычу. Олень стремглавъ ринется внизъ, и охотникъ, не замѣчая опасности, бросится въ бездну, благо ему на лыжахъ легко скатиться, а то и головой внизъ бываетъ.

Я на Хибинахъ слышалъ издали то сухіе, словно щелкающіе, то гулкис, подхватываемые эхомъ выстрѣлы, но мнѣ не случалось встрѣчать самого охотника... Добычу свою лопари складываютъ въ амбарушки, если дѣло въ лѣсу, или въ щели и ямы, заваливая ихъ каменьями, если дѣло въ горахъ. При лѣсныхъ промыслахъ тоже не мало пропадаетъ народу, хотя и тутъ лопарь почти безошибочно идетъ впередъ по направленію сучьевъ и вѣтвей, по тому, въ какую сторону отъ стволовъ тянутся муравьиныя кучи и т. д. Ночью здѣсь раскладываетъ онъ костеръ и спитъ до зари, а медвѣдя прослышитъ—на дерево взберется. Отъ волковъ хорониться онъ не станетъ; ежели два костра раскинуть, волки только стороной будутъ ежиться, а ближе не подойдутъ...

Но вотъ время все становится холоднѣе и холоднѣе. Разъ, два или три уже падалъ снѣгъ. Низко стелются тяжелыя сѣрыя тучи. Зеленъ вся поблекла и опадать стала, только погребальныя ели да сосны стоятъ въ своемъ вѣч-

номъ уборѣ. Туманъ заполонилъ всѣ промежутки между стволами. Взглянешь съ вершины какой-нибудь горы въ понизь—только сурово плаваютъ тамъ холмы и пригорки въ морѣ однообразной сѣрой мглы...

Вотъ и снѣга пошли, все побѣлѣло подъ ними. Дни коротки. Ночи сыры и тяжелы. Вѣтеръ громко свищетъ въ узкихъ ущельяхъ, пурга уже засыпаетъ долины... Кое-гдѣ стоялые плесы покрылись тонкимъ настомъ ледяной коры. А съ промысла воротиться еще не время. Еще съ мѣсяць, бываетъ и два, проведетъ лопарь въ горахъ и лѣсахъ, но къ Рождеству всѣ уже собираются въ свои погосты, проходя весь этотъ путь въ царствѣ безразсвѣтной ночи, таинственно озаряемой только полярными сіяніями...

Быстро носятся лопари на лыжахъ по своимъ пустынямъ. Словно вихрь слетаютъ они съ вершины горы то въ середину оленьяго стада, то на волка, крадущагося по опушкѣ обезлиствѣвшаго лѣса. Но время идетъ, пора домой. Со всѣхъ сторонъ направляются охотники и промышленники въ свои безлюдные погосты. Часто ихъ захватываютъ мятели въ горахъ, массаи снѣга заноситъ кругомъ лопаря. Еще удача, если ему удастся закрыться со всѣхъ сторонъ ровдугами, да и залечь въ сугробѣ, какъ-нибудь отсидѣться отъ бури,—бываетъ и

хуже. Сколько их сбросить въ пропасти, сколько провалится въ бездонные плесы сквозь крупный и тонкій ледяной настъ! Вьюги въ лапландскихъ горахъ буквально ужасны. Это настоящій хаосъ, въ которомъ ничего не разглядишь въ двухъ шагахъ. Нельзя пяти-шести минутъ пробыть на одномъ мѣстѣ, чтобы буквально не быть погребеннымъ въ сугробѣ. Нѣтъ ничего легче, какъ въ этой непроглядной вьюгѣ сорваться съ обрыва и разбиться о камни. Путники въ это время обыкновенно спасаются за обломками скаль. Нѣтъ средствъ разложить огня, и когда кончится эта адская погода — неизвѣстно. Случается, что она длится день, два, три; случается и по недѣлѣ, и по двѣ. Послѣ такой вьюги начинаются обыкновенно жестокіе морозы, иногда доходящіе до 27 градусовъ. Даже и съ оленями въ такую пору плохо. Зачастую не они везутъ лопаря, а лопарь тащить ихъ за хигны. Часто во время зимняго скитальчества по горамъ лопарь встрѣчаетъ голодныхъ волковъ; тутъ разомъ просыпается вся его ненависть при видѣ хищниковъ, лишившихъ его когда-то стада или промысловой добычи. На лыжахъ гонится онъ за ними по скатамъ горъ, перебивая толстою палкою крестцы волкамъ. Не останавливаясь надъ искалѣченнымъ врагомъ, онъ гонится за другими животными, вы-

крикивая на вѣтеръ самыя озлобленныя ругательства и заливаясь дикимъ хохотомъ надъ стадомъ напуганныхъ хищниковъ. По свидѣтельству Фрѣйса, лопари въ этихъ случаяхъ произносятъ выразительныя рѣчи надъ своимъ непримиримымъ врагомъ, бранятъ его и его пріятелей за всѣ его злодѣйства и преступленія. Смѣются надъ его безпомощнымъ положеніемъ и, наконецъ, доканчиваютъ его, пуская ему въ бокъ ножъ или пулю.

Убивъ медвѣдя, лопари надъ нимъ тоже произносятъ ораторскія рѣчи; впрочемъ, къ этому животному они относятся съ большимъ уваженіемъ и не ругаются надъ его трупомъ, а, напротивъ, восхваляютъ великое мужество и великодушіе павшаго врага. Рѣчи заканчиваются изображеніемъ еще болѣе удивительнаго мужества охотника, который не побоялся сразиться и умѣлъ побѣдить такого царственнаго героя лапландскихъ лѣсовъ. Сверхъ того и лапландскіе поэты зачастую складываютъ пѣсни и объ медвѣдяхъ, присвоивая имъ чисто-человѣческія качества и необыкновенный умъ. Такъ, я самъ слышалъ пѣсню, въ которой лапландецъ-импровизаторъ описывалъ, какъ, пожелавъ жениться, онъ отправился посовѣтоваться къ мудрому медвѣдю въ черный лѣсъ. Лохматая пифія покачала головой, какъ бы не одобряя

брачные планы лопаря. Потомъ... дѣло окончилось совершенно неожиданно. Лопарь сообразилъ, что при такой глубокой мудрости, медвѣдь очень крупень, и что за шкуру его можно получить рублей шесть или семь, а на нихъ купить много рому. Несчастный оракуль погибъ подъ пулю мѣткого поэта, воспѣвшаго въ пламенныхъ выраженіяхъ кончину своего мудраго совѣтника...

XII.

Охоты и обычаи.

Къ Рождеству всѣ обитатели погоста дома. Играются свадьбы, устраиваются пирушки. Сюда же прїѣзжаютъ и священники для совершенія требъ и таинствъ. До сихъ поръ при родинахъ, крестинахъ и похоронахъ таинства совершаются заочно. Прїѣдетъ лопарь въ церковь брать молитву родильницѣ. Священникъ прочтетъ ее надъ шапкой лопаря и тотъ, бережно сжавъ ее руками, мчится домой, чтобы привезти молитву и во время, и въ цѣлости. Умершихъ отпѣваютъ заочно. Случалось, что и крестили такимъ же образомъ, но теперь это вывелось. Впрочемъ, новорожденнымъ мѣсяцевъ по семи приходится ждать таинства. Въ остальное время и пробраться въ тундру священнику невозможно, да и средствъ на то не даютъ ему никакихъ. Прїѣхавъ въ погость, священникъ, чтобы не обидѣть своихъ прихожанъ, не долженъ останавливаться у кого-либо

одного, а переходить изъ пырта въ пыртъ. Ему въ это время приносятся ровдуги, дичь, гусятня и лебятжи шкурки, лисицы-кормежки. Вообще духовенство могло бы сильно вліять на лопарей, если бы желало этого. Такъ, отецъ Георгій Терентьевъ, переведенный въ Колу, заставилъ было лопарей заняться скотоводствомъ и огородничествомъ, но съ выѣздомъ его изъ Ното-озера все это погибло въ самомъ зародышѣ. Лопари не только признають пользу грамотности, но и желаютъ учиться. Повсюду, гдѣ я ни былъ, эти номады осаждали меня просьбами указать имъ, какъ завести свою школу. По распоряженію губернатора Качалова, священники завели у себя училища, вначалѣ небольшія. У Терентьева было десять учениковъ изъ лопарей, и этотъ почтенный священникъ не могъ нахвалиться ими. Способности прекрасныя, воспримчивость необыкновенная, любознательность безпредѣльная. Къ сожалѣнію, немного спустя, дѣло это заглохло и уже при мнѣ ни у одного священника не училось дѣтей, а лавозерскій пастырь на мой вопросъ объ этомъ наивно отвѣчалъ, что онъ гнушается необразованіемъ и дикостью своей паствы, что въ ней невѣжество свирѣпствуетъ, и при этомъ вздохнулъ о томъ, какъ тяжело ему, просвѣщенному человѣку, жить среди

сихъ филистимлянъ. Только нѣсколько лапландцевъ воспитываются въ Колѣ, но тамъ ихъ кормятъ скверно, одѣваютъ еще хуже, заставляютъ жить и зимою въ холодныхъ, нетопленныхъ комнатахъ, дѣлаютъ изъ нихъ добровольныхъ и даровыхъ работниковъ. Рядомъ, въ Норвегіи, всѣ лопари грамотны и въ ихъ кундасахъ можно найти и библію, и кое-какія книги. Священникъ Терентьевъ выучилъ лопарскихъ мальчиковъ даже пѣть. Это и расположило лопарей въ пользу грамотности. Лопари наперерывъ стали просить взять ихъ дѣтей въ школу. Возвращаясь домой послѣ небольшого курса, мальчики учили своихъ матерей молитвамъ. Нельзя вообще не пожелать лучшаго выбора священниковъ для этого обдѣленнаго племени.

Свадьба едва ли не самое торжественное событіе для лопарей всего погоста. Рѣдкій лопарь беретъ невѣсту въ своемъ селѣ. Зачастую онъ ищетъ ее въ другомъ. Дѣлаетъ предложеніе молодой, и богатыри, т. е. сваты, ѣдутъ райдой, которую родные невѣсты встрѣчаютъ у околицы. Входя въ пырть или кундасъ невѣсты, лопари крестятся.

— Миръ вамъ!—привѣтствуетъ старшій со стороны жениха.

— Богъ дастъ!—отвѣчаютъ родные невѣсты

и всѣ поочередно подходятъ другъ къ другу и здороваются, кладя правую руку на лѣвое плечо другого и соприкасаясь носомъ и щекой.

— Позволятъ ли намъ, несчастнымъ путникамъ, сказать, зачѣмъ мы пріѣхали къ нашимъ господамъ?

— Если мысли твои чисты,—говори.

— Есть у одного стараго хорошаго медвѣдя дочка-медвѣдица. Ходилъ по лѣсу молодой охотникъ, хотѣлъ подстрѣлить ее, да сердца не хватило. Очень уже она полюбилась ему...

Не продолжая далѣе, сторона жениха подаетъ отцу невѣсты двѣ-три бутылки съ ромомъ. Пьютъ по старшинству и по очереди, всякій разъ крестясь на образа.

— Полюбилась она ему и поѣхалъ онъ въ гости къ ея отцу, старому, хорошему медвѣдю. И привезъ онъ съ собой много даровъ. Приняли его ласково, какъ желаннаго друга... Вмѣстѣ съ нимъ пили водку.

Сторона жениха при этомъ встаетъ и кланяется, благодаря родныхъ невѣсты за то, что они приняли ихъ даръ. Водка выпита—и дѣло кончено. Ни тесть, ни теща послѣ того не смѣютъ отказаться отъ сватовства. Тотчасъ послѣ этого сторона жениха уходитъ въ отдѣльный пыръ, гдѣ и проводитъ время до утра.

Только-что разсвѣтеть, къ отцу невѣсты являются депутаты просить его и ея родныхъ пожаловать къ жениху. Молодой-де олень просить стараго убраса придти къ нему съ своими важенками. Или: старая лиса шлетъ поклонъ старому волку и зоветъ его въ свою нору со всѣми волчицами да волчатами. Родители невѣсты не соглашаются. Проходитъ часъ —является новая депутація и повторяетъ то же приглашеніе; такъ до пяти разъ. У богатыхъ лопарей, желающихъ соблюсти обычай старины со всѣми церемоніями, цѣлый день проходитъ въ этомъ и депутаціи являются до восьми разъ. Наконецъ, все улажено. Родные невѣсты идутъ къ жениху, а сама невѣста остается дома и сидитъ въ углу пырта неподвижно, пока они не вернутся съ пира. Особенность трапезы въ этомъ случаѣ — объятія и поцѣлуи лопарей передъ каждымъ глоткомъ вина. На завтра родные невѣсты приглашаютъ жениха и его свиту къ себѣ. На это торжество собирается весь погостъ. Невѣста сидитъ въ углу, закрытая съ головы до ногъ мѣхами или платкомъ. Встрѣчаютъ жениха неласково, выгоняя его вонъ съ богатырями. На дворѣ они вываливаются въ снѣгу и являются опять въ пыртъ, жалуюсь на ужасную вьюгу, на волковъ, которые ихъ преслѣдовали отовсюду. Ихъ

выгоняють опять. Это повторяется три раза. Наконецъ, женихъ жалуется, что волки его искушали, что, вдобавокъ, на улицѣ появилось нѣсколько медвѣдей и ему грозитъ неминуемая смерть. Въ это время невеста начинаетъ вопить и плакать, а пришлецовъ усаживаютъ за столъ. Чѣмъ больше рому, тѣмъ богаче свадьба. Во время угощенія приглашенные лопари лѣпятъ рожки изъ хлѣба и кладутъ ихъ на столъ въ рядъ. Каждый рожокъ означаетъ оленя, котораго гость приносить въ даръ невестѣ. Сколько рожковъ — столько и оленей. Спустя три дня, олени приводятся и передаются молодымъ. Никогда не случалось, чтобы лопари въ подобныхъ обстоятельствахъ не исполнили своего обѣщанія. Послѣ обѣда женихъ садится рядомъ съ невестой и приподымаетъ ей платокъ. Та, разумѣется, голосить еще неистовѣе.

— Отдашь ли ты, наконецъ, свою медвѣдицу замужъ за нашего охотника? — спрашиваютъ родители жениха.

— Берите, ее, дѣлайте съ ней, что хотите. Жгите ей глаза, рѣжьте ее — мою власть надъ ней отдаю вамъ.

Бракъ послѣ этой фразы считается совершеннымъ и мужчины во дворѣ начинаютъ стрѣльбу. Невесту одѣваютъ, она брыкается и бьется, прыгаетъ и бѣгаетъ изъ угла въ уголь.

Ее, какъ дикаго оленя, привязываютъ къ столбу и мужчины замахиваются на нее ружьями. Подходить женихъ и подаетъ ей хлѣба, она начинаетъ ласкаться къ нему. Вообще повторяется церемонія усмиренія дикаго оленя. Какъ только невѣста сдѣлается ручною, ее хватаютъ, закутываютъ въ платокъ и мѣха, бросаютъ въ кережку, привязываютъ веревками, чтобы она не убѣжала. Самъ женихъ садится въ другую кережку, и версту или двѣ эти сани ѣдутъ рядомъ, причемъ оленя ведутъ богатыри за хигны. Отѣхавъ отъ погоста, райда стремглавъ кидается впередъ; стрѣльба изъ ружей, крики, угрозы звучатъ въ воздухѣ, знаменуя бѣгство и погоню, увозъ невѣсты, существовавшая нѣкогда на всемъ сѣверѣ. Такимъ образомъ, бѣшено влетаетъ поѣздъ въ родной поселокъ — выстрѣлы учащаются, богатыри, показывая видъ, что они ранены, воютъ, женихъ опять хватается невѣсту за шиворотъ, какъ законную добычу. Но какъ только молодые переступили порогъ своей тупы—все разомъ измѣняется. Женихъ отвѣшиваетъ невѣстѣ низкій поклонъ. Богатыри кланяются ей и ласкаютъ ее, а мать и отецъ объявляютъ ее полною хозяйкою дома и передаютъ ей управленіе семьей. Восемь дней невѣста остается закрытою платками и мѣхами. Всякій же-

лающей посмотрѣть на нее платить за это деньги. Церковный брак считается уже второстепеннымъ обрядомъ. Его совершаютъ мѣсяца черезъ два-три, иногда пять и шесть, когда пріѣдетъ священникъ. Разумѣется, всѣ эти обряды существуютъ только въ глуши Лапландіи; въ мѣстахъ болѣе посѣщаемыхъ русскими, племенные особенности сгладились совсѣмъ. Похороны у лопарей уже потеряли прежнюю своеобычность. Тупу, гдѣ жилъ покойникъ, оставляютъ на нѣсколько дней открытой. Всѣ выселяются оттуда и возвращаются только черезъ недѣлю. Къ умершему является ангель, который вмѣстѣ съ душой его сорокъ дней ѣздитъ на оленяхъ повсюду, гдѣ только бывалъ покойникъ во время своей жизни. При этомъ онъ вспоминаетъ добро и зло, сдѣланное имъ, и если раскается, ему открыть доступъ въ рай, хотя бы онъ и умеръ безъ покаянія. Мертвые здѣсь вовсе не являются живымъ.

Одна особенность лопарей выдѣляетъ ихъ изъ рода другихъ номадовъ. Лопари терпѣть не могутъ табаку. Только терскіе лапландцы нюхаютъ его изъ маленькихъ ложечекъ. Остальные гнушаются этимъ «пепломъ отъ чортова хвоста». Чортъ, видите ли, когда-то затесался въ гости къ благочестивому номаду-оленеводу.

зная, что у него дочка очень красивая. Перекрестивъ двери и верхнее отверстіе вѣжи, лопарь преградилъ, такимъ образомъ, нечистому выходъ, а самъ разложилъ въ вѣжѣ большой костеръ. Несчастный ловелась, привыкшій въ аду поджаривать другихъ, очутился въ очень скверномъ положеніи, которое лопарь ухудшилъ еще тѣмъ, что брызгалъ на чорта тюленьимъ жиромъ, желая приготовить сатану ко всѣмъ правиламъ лапландскаго кулинарнаго искусства. Наконецъ, тронутый жалобами и стенаніями духа зла, хозяинъ выпустилъ его, проломавъ отверстіе въ боковой стѣнѣ вѣжи. Чортъ выскочилъ весь опаленный, но уже безъ хвоста. Когда лопарь вошелъ въ вѣжу— онъ сталъ чихать безпрестанно. Какъ оказалось, вся она была переполнена табакомъ— пепломъ отъ сгорѣвшаго чортова хвоста. По дорогѣ въ адъ, съ чорта сыпались искры, и вездѣ, гдѣ онѣ попадали на землю, выросталъ табакъ. Дымъ табака—это дымъ адскаго пламени. Кто курить табакъ—тотъ заранѣе готовится къ мученіямъ на томъ свѣтѣ.

Зато водку, ромъ и всѣ вообще одуряющіе напитки лопари любятъ, хотя пьяницами ихъ назвать и нельзя. Лопарь пьетъ, когда привезутъ спиртное пойло въ погость; въ остальное время его и не тянетъ къ водкѣ. Западныхъ лапланд-

цевъ опаиваютъ норвежцы, восточныхъ—русскіе. Водораздѣль озера Имандра служитъ границей для цѣловальниковъ обѣихъ націй. Норвежцы и русскіе твердо знаютъ дни, празднуемые тѣмъ или другимъ погостомъ. Еще накануне въ поселокъ являются олени съ боченками и прикащиками ромоторговцевъ. На утро начинается бойкая торговля. Не успѣваютъ лопари вернуться съ промысловъ, ихъ уже поджидаютъ бродячіе кабачки. Подвезутъ лопари промышленниковъ въ становища Мурмана, получаютъ деньги—водка тутъ какъ тутъ. Задумалъ лопарь жениться—еще священникъ этого не знаетъ, а ромъ уже везутъ къ жениху. Послѣдствія ужасны. Лопари пропились въ лоскъ. Норвежцы, хорошо знающіе это племя, открываютъ имъ кредитъ неограниченный. Пропившись, лопарь всегда расплатится и, богатый еще вчера, сегодня онъ дѣлается нищимъ и пролетаріемъ. Оленьи стада, мѣха, рыбные запасы,—все уходитъ за ромъ и водку. Даль въ Печенгѣ ухитрился обобрать, такимъ образомъ, у лопарей всѣ серебряныя деньги, которыя тѣ хранили вѣками, передавая ихъ изъ рода въ родъ, какъ святыню. Если у лопаря не хватитъ средствъ на расплату, онъ добровольно идетъ въ кабакъ къ норвежцу и тотъ безцеремонно распоряжается этою живою си-

лой, посылая батрака и на опасный промыселъ, и въ оленій извозъ. Чуть только лопарь начнеть откупаться—ему опять задають водки въ долгъ и лопари вновь прочно закрѣплятся. Мѣстная администрація борется всѣми мѣрами съ этими отравителями сѣвернаго населенія, но, стоя на легальной почвѣ, ей очень трудно ограничить размѣры ромоторговли. Внутри же страны, среди безконечныхъ пустырей, горныхъ и мѣстныхъ захолустій, никакая власть не услѣдитъ за подвижными кабачками. Иначе, на каждое озеро, на каждую гору правительству приходилось бы ставить своихъ агентовъ.

Желая убѣдить религіозныхъ лопарей въ угодности этого пошла Богу, ромоторговцы передъ каждою розничною продажей его и крестятся, передавая бутылку лопарю. Лопарь въ простотѣ души тоже крестится передъ каждымъ глоткомъ и, упиваясь, воображаетъ, что великъ его подвигъ передъ Богомъ. Дракъ даже между пьяными не бываетъ никогда. Они только покраснѣють и начнутъ болтать всѣ въ одно и то же время, точно утки въ камышахъ тихаго заводья. Лопари большіе бон-виваны. При удачѣ промысловъ они посягають и на тонкія вина. Чиновникъ, бывшій у понойскихъ лопарей, рассказывалъ слѣдующее: когда олени были уже запряжены, вошелъ опасъ—проводникъ.

— Не хочешь ли выпить на дорогу?—предложили ему.

— А ты поднеси, я ничего, выпью.

Ему дали водки.

— Я водки не пью, — съ пренебреженіемъ отозвался лапландецъ.

— Давно ли?

— А съ промысловъ.

— Что же ты пьешь теперь?

— Ромъ, да и то ежели хорошій, потому намъ иначе и нельзя.

— А не хочешь ли шампанскаго?—вмѣшался бывший при этомъ священникъ.

Лопарь обидился и съ чувствомъ собственного достоинства обратился къ насмѣшнику:

— Можетъ ты батюшка и не пробоваль, а я и ромъ, и ликеры, и шампанское пиваль.

— Что же тебѣ больше всего нравится изъ этихъ винъ?

— Спиртъ!—отвѣтилъ лопарь послѣ недолгаго размышленія.

На норвежской границѣ какъ-то цѣлый день за нами гналось трое лопарей. Всклобоченныя головы, ружья въ рукахъ и ножи за поясомъ заставляли подозрѣвать въ нихъ недобрыя намѣренія. Мы уходили въ горы, и только къ вечеру остановились на вершинѣ одной вараки за скалами. Занявъ выгодную въ стратегичес-

комъ отношеніи позицію, мы не долго ждали врага. Онъ слѣдовалъ за нами по пятамъ. Но увы! Какъ глубоко было наше разочарованіе! вмѣсто нападенія, интереснаго приключенія съ выстрѣлами и т. п. эффе́ктами, лопари отвѣсили намъ десятокъ почтительнѣйшихъ поклоновъ и, указывая на боченокъ съ ромомъ, умиленно просили продать его за мѣха. Такимъ образомъ, бандиты лапландскихъ горъ гнались не за нами, а за боченкомъ, ушедшимъ отъ нихъ въ горы.

Зимою лопари иногда отправляются къ морскому берегу. Въ это время сѣвернымъ вѣтромъ приносятъ къ берегамъ Кольскаго полуострова громадныя льдины, оторванныя отъ острововъ Ледовитаго океана — Новой земли, Яна-Майена и Шпицбергена. Въ началѣ пути льдины въ діаметрѣ бываютъ по нѣсколькимиль, въ концѣ пути онѣ обтаиваютъ и разбиваются. На льдинахъ, какъ намъ рассказывали, часто являлись прежде нежданные гости — ошкуи, бѣлые медвѣди. Лопари во время оно не бѣгали отъ этихъ властелиновъ полюса. Напротивъ, мнѣ передавали о такихъ своеобразныхъ охотахъ, гдѣ нужно было необычайное мужество дикаря для успѣха. Самъ я впрочемъ, не видалъ ничего подобнаго и, сообщая это, не беру на себя отвѣтственности въ правдѣ рассказываемаго.

Выслѣдивъ ошкуя, лопари слѣдуютъ за нимъ, высматривая мѣстечко поудобнѣе. Ошкуй взберется на горы—и лопари за нимъ, тотъ опустится въ пропасть—и номады туда же. Вмѣстѣ съ бѣлымъ медвѣдемъ они проваливаются въ засыпанныя снѣгами бездны и часто гибнуть еще въ началѣ охоты.

Наконецъ, выдалась площадка поудобнѣе; трое охотниковъ устраиваютъ тутъ встрѣчу шпицбергенскому гостю. Охотники поискуснѣе залегаютъ позади, третій становится поодаль отъ нихъ впереди и выжидаетъ звѣря, такъ что, люди образуютъ треугольникъ. Это охота на живую приманку, причемъ приманкою служить человекъ. Отойти онъ въ сторону—и медвѣдь уклонится отъ прямого направленія, а тогда и цѣлить въ него будетъ невозможно. Ошкуй прямо идетъ на эту приманку. Порою онъ останавливается въ недоумѣніи. По всей вѣроятности, чудовище никакъ не можетъ взять въ толкъ, какъ это дерзкое созданіе не бѣжитъ отъ него, а выжидаетъ властелина полярныхъ снѣговъ и еще, повидимому, такъ спокойно. Какъ хотите, даже и не медвѣдю обидно! Остановки эти бываютъ продолжительны. Ошкуй разглядываетъ лопаря, принимающегося къ нему издали, ворчить и вновь подвигается. Неподвижность приманки

такъ изумляетъ звѣря, что тотъ забываетъ даже подняться на заднія лапы. Необычайное присутствіе духа нужно лопарю, чтобы выдержать на себѣ этотъ зловѣщій взглядъ налитыхъ кровью глазъ. Уже смрадъ дыханія ошкуча съѣдаетъ его, уже онъ видитъ какъ чудовище оскаливаетъ зубы, какъ оно наклоняетъ голову, глядя на него въ упоръ исподлобья. Шевельнись приманка—и все пропало: мѣдвѣдь измѣнить направленіе, стрѣлки промахнутся и въ результатѣ получится изуродованный и исковерканный трупъ несчастнаго... Наконецъ, когда звѣрь уже совсѣмъ близко, когда паръ изъ ноздрей его валить прямо въ лицо человѣку, когда лопарь можетъ разсмотрѣть эту могучую шерсистую массу и эти сильныя лапы,—моментально раздаются два выстрѣла, и, подавшись впередъ на одинъ шагъ, чудовище рухнетъ въ рыхлую сугробину снѣга... Тутъ-то и начинается торжество дикаря. Надъ трупомъ чудовища произносятся рѣчи.

— Ты былъ могучій звѣрь. Все тебѣ покорялось тамъ, гдѣ волшебные волки бѣгаютъ съ факелами въ зубахъ (полярное сіяніе). Ты не зналъ никого сильнѣе себя и пришелъ къ намъ, чтобы поискать богатырей, которые бы рѣшились схватиться съ тобою. И вотъ ты

лежишь теперь, и даже не можешь пошевелить лапой... Гдѣ же твоя сила, гдѣ твоя свирѣпость?.. Что же ты молчишь, или боишься насъ? Да, ты былъ силенъ и могучъ, но мы еще сильнѣе тебя. Ты былъ уменъ, но мы еще умнѣе тебя, ты былъ хитеръ, но мы еще хитрѣе... Признай же, какъ ты жалокъ. Пусть душа твоя, странствуя съ ангеломъ на керержкѣ, расскажетъ всѣмъ твоимъ роднымъ, какіе мы храбрые люди!.. и т. д.

Иногда при этомъ импровизируются пѣсни, раскладывается костеръ и до утра сидятъ охотники, вспоминая свою побѣду. По окончаніи каждой пѣсни они встаютъ и кланяются мертвому животному. Наконецъ въ порывѣ великодушія разжимаютъ ему зубы и кладутъ въ ротъ неподвижному ошкую кусокъ соленой рыбы.

— На, не говори дома, что ты былъ въ гостяхъ и тебя не накормили. Пусть придутъ и другіе, мы и ихъ также накормимъ.
